

Крестьянка

6'89

Чурины — семья
арендаторов

...Она учила
быть
достойными
любви,
быть
равными
в любви,
быть в любви
щедрыми и
жертвен-
ными

Взгляды
наших
женщин и
американок
на
счастливый
брак
не совпали

Письмо в редакцию:
Шеня украин

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Крестьянка

6'89

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН
И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

**Первое число
июня —
Международный
день защиты
детей. Хорошо бы
в этот день дать
себе отчет: что
сделано для
ребятни
за прошедший
год? Куда уси-
лиями взрослых
движется их
будущее? К тому
же «дети» не
некое однородное
сообщество, они
делятся в первую
очередь на маль-
чииков и девочек.
Подумаем сегодня,
что же нужно для
счастья нашим
девчонкам...**

ИМ НУЖНО ВСЕ.
И прежде всего им нужно, чтобы у нас была хорошая жизнь — добрая, мирная, теплая. Поэтому то, что мы сейчас стараемся сделать, вырываясь из трясины застоя, мы делаем для них. Для них — упорство прошедших выборов, для них мы должны с непоколебимой последовательностью задавать себе и решать социальные программы, сохранять чистый воздух и чистую воду. Ведь это из них вырастают будущие матери, хозяйки нашего обновленного Дома.

Но, помимо того, что им нужно ВСЕ, им очень нужно еще то, что с первых дней жизни они могут обрести только в родительском доме: им нужна любовь. Всеобъемлющая атмосфера любви к себе, любви

отца к матери, их обоих к своим родителям, своей любви к ним. Чем больше вокруг любви, тем лучше. И ни в коем случае не стоит думать нам, взрослым, что эта любовь может быть измерена или заменена подарками, модными вещами, дорогими электронными устройствами. Спорить вряд ли стоит — это очень хорошо, если родители имеют возможность не отказывать дочкам в красивых и модных вещах. Но не вещи воспитывают чувства собственного достоинства, человеческой значимости, которые закладываются в детстве и которые в жизни ничем заменить нельзя. Только любовь дает девочке уверенность в себе — незаменимое ощущение, необходимое при трудном переходе из детства в юность.

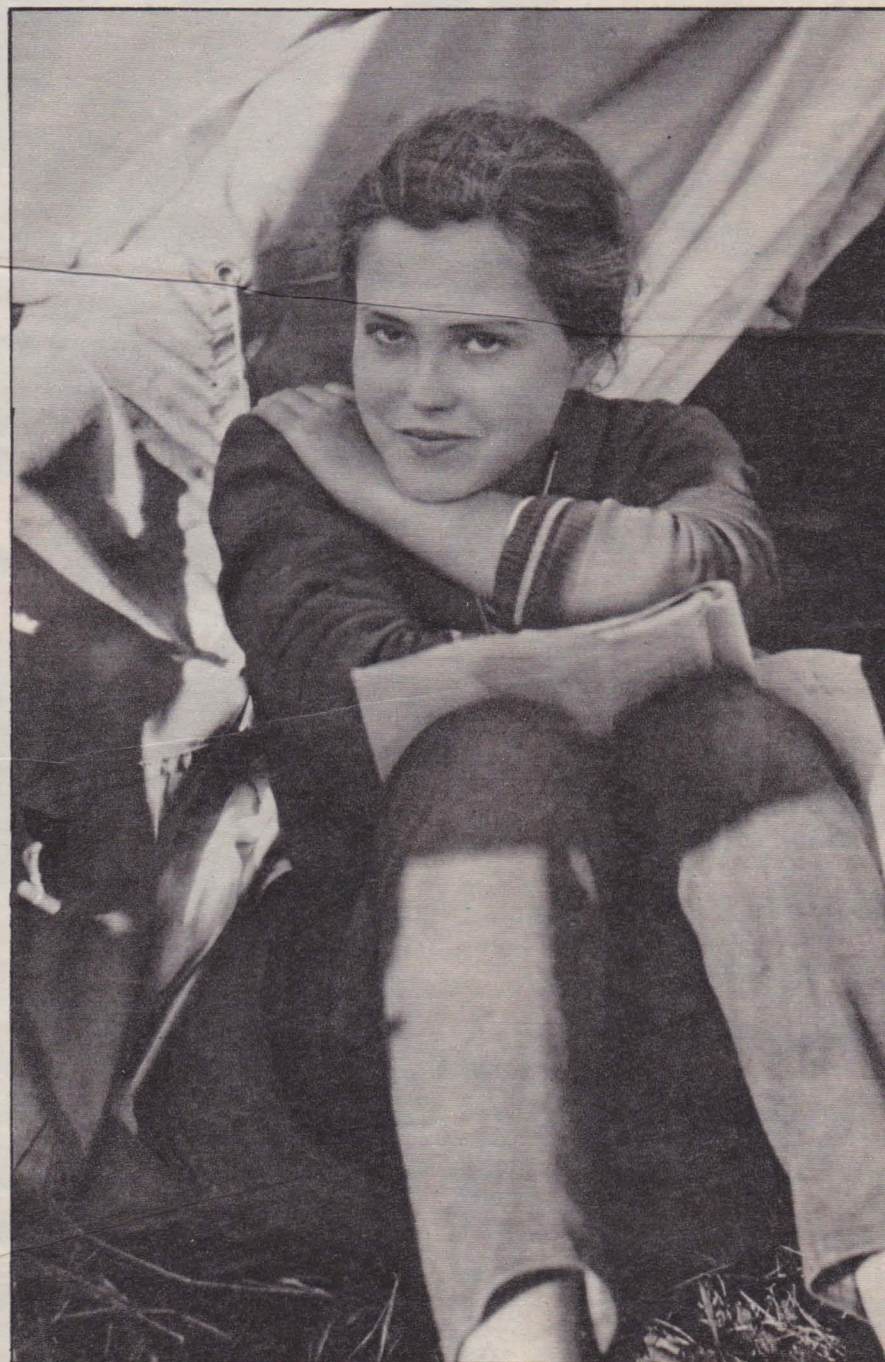
О, это мучительное и счастливое время (все ли мамы и папы помнят его?), когда на юные душу и тело, еще балансирующие между вчерашним детским спокойствием и завтрашним юным смятением, обрушивается все разом, — первые раздумья о будущем, первые желания... И по-новому пахнут земля и ветер, по-новому звучат музыка и голос школьного друга. Очень много зависит в это время от отца и матери — не оттолкнуть бы становящуюся взрослой и уже не совсем понятной дочку, быть тем надежным тылом, где никогда не предадут и все поймут, где не нужно бояться и врать...

Какими вырастут наши девочки? Очень хочется, чтобы счастливыми.

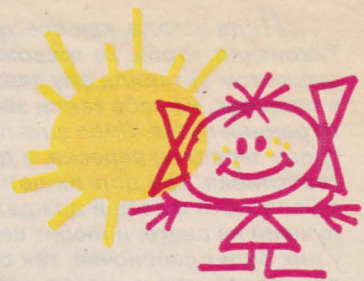
Наталья БАРМИНА

Какими наши

Фото Т. СЕРГЕЕВОЙ
и В. ОПАЛИНА.

вырастут

Великодушными,
умными, добрыми или?..
Очень хочется, чтобы —
счастливыми.

ДЕВОЧКИ

...Лида встала, как всегда, в половине четвертого. Саша еще спал. Тихонечко, чтобы не тревожить мужа, оделась, под чистым рушником оставила ему завтрак и пошла на ферму. Туман собирался в лощинах, на небе таяли звезды, в тишине пробовала голос какая-то ранняя птица. Лида шла по утоптанной тропинке, петлявшей среди зарослей вереска, и думала о том, какая же она все-таки счастливая. Три долгих-долгих года дождалась она своего Сашу с Северного флота и дождалась наконец. Саша, конечно, самый лучший на свете, и любит ее, и жалеет. Когда сказала она ему, что у них будет ребеночек, так он от радости ошалел маленько, обцеловал всю и сказал, что с этого дня сам все в доме делать будет. Сам за скотиной ухаживает, сам воду носит и даже полы моет. Господи, как же ей повезло! Одно плохо — врач из районной больницы велела идти к председателю просить легкой работы, ну она и пошла, а председатель рассмеялся: вот ведь вы, бабоньки, какие, нашалитесь со своими мужичками, а я вам потом легкую работу подыскивай. А где ее взять?

Из председательского кабинета вышла Лида с пунцовыми щеками. Ну да ладно, не первая она и не последняя, вон тетя Фрося рассказывала, как она на ферме до самого декретного отпуска работала, и ничего, обошлось...

Лида уже закончила дойку и вымыла фляги из-под молока, когда привезли свеклу. Механизатор вывалил ее прямо перед сараем и был таков. Доярки пошли ругаться к заведующему фермой: скотник третий день пребывал в запое, и таскать свеклу было некому. Завфермой развел руками. Ворча, доярки стали совать мокрую свеклу в корзины.

Лида наполнила свою корзину, с натугой рванула ее — и в ту же секунду острая, режущая боль опоясала низ живота... Потом кто-то суетился вокруг нее, мелькали какие-то лица, а затем все поплыло и провалилось в вязкий холодный туман.

Когда Лида пришла в себя и открыла глаза, она увидела белый халат врача и такое же белое лицо Саши. Он уже знал, что у них не будет ребенка...

Эту грустную историю мы прочитали в одном из писем, пришедших в адрес «Крестьянки». Называть фамилию автора мы не станем, чтобы не растревлять душевные раны молодой женщины, поделившейся с нами своей болью.

Такое письмо, конечно, — ЧП. И виновные наказаны. Но есть и другие письма от женщин-животноводов — не столь драматичные, однако требующие немедленного вмешательства.

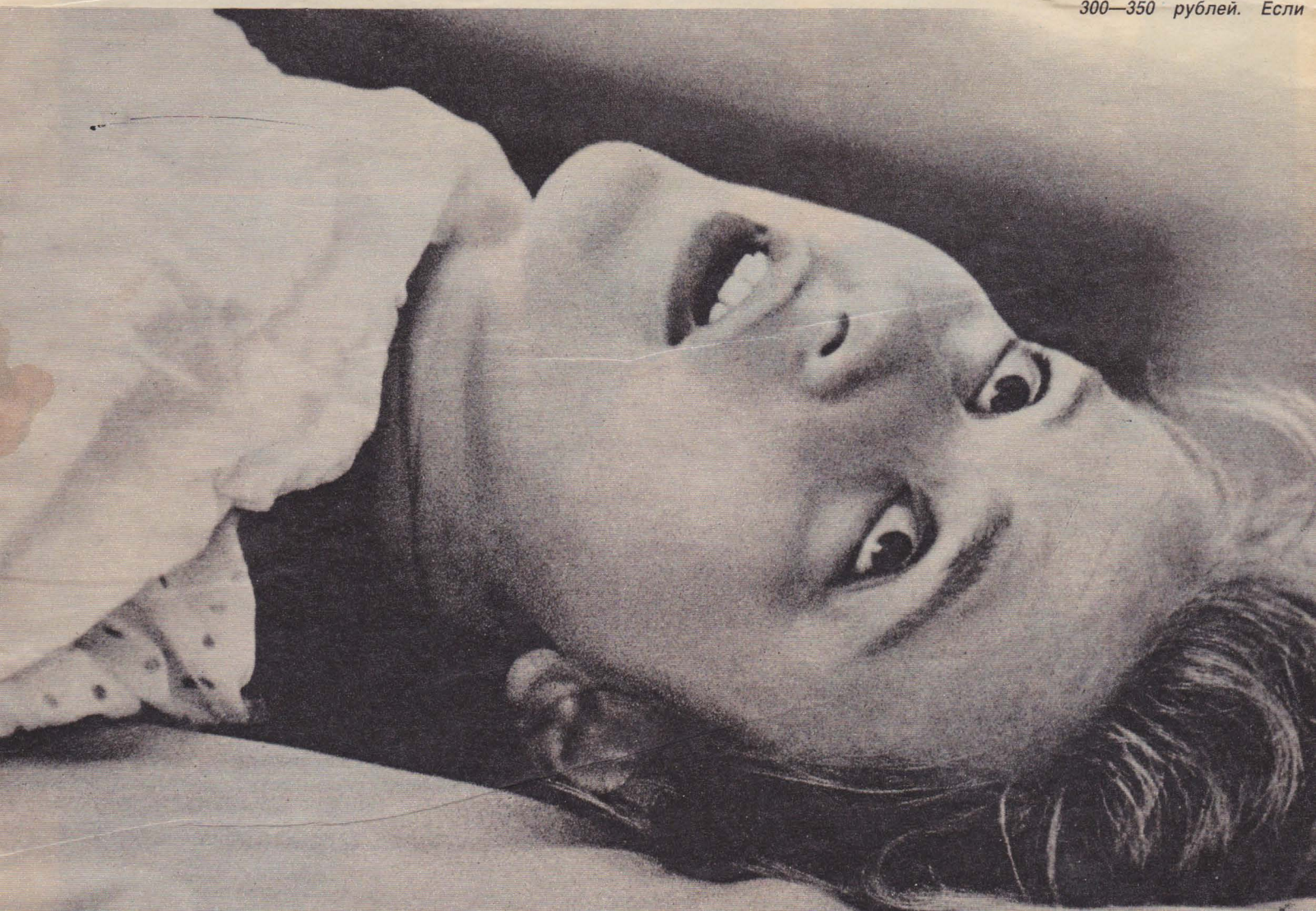
«Четыре года назад переехали мы с мужем из города в село. Скоро у нас должен родиться ребенок. Я лежала в больнице на сохранении. Когда выписывалась, мне дали справку на легкий труд. С этой справкой я обратилась к заведующему фермой, но он сказал, что у него такой работы нет. Тогда я обратилась к руководству колхоза, и вот уже

месяц жду обещанного. На работе мои подружки-доярки говорят: это тебе не город, здесь никто не даст легкого труда, и не надейся...

Т. КРАНТОВСКАЯ, колхоз «Маяк» Кобелякского района Полтавской области».

И еще одно письмо.

«Я работаю дояркой на ферме. Работа у нас тяжелая, потому что ферма не механизирована, но получают доярки хорошо. Когда я забеременела вторым ребенком, врач мне сказала, чтобы я попросилась на легкий труд, так как первая беременность была у меня с осложнениями. Я пошла к председателю, показала ему справку от врача. Он сказал: хорошо, — и предложил мне поработать в правлении техничкой за 60 рублей в месяц. А у меня ребенок, старуха мать, муж мало зарабатывает, поэтому я от легкого труда отказалась, ведь на своем рабочем месте получаю 300—350 рублей. Если

бы мне оставили мой средний заработок, я бы пошла в технички, а так не могу...

Подружки меня жалеют, тяжелого не дают поднимать, но все равно, чувствую себя плохо...
Анна ИВАШКОВА, Хотынецкий район, Орловская область».

Кто-то, может быть, спросит: а не драматизируем ли мы события? Не «накручиваем» ли страхов вокруг будущих мам, работающих на фермах?

Мы встретились с Ириной Владиславовной БЕРЕЗНЯК, кандидатом медицинских наук, сотрудником отдела гигиены труда и охраны здоровья Московского НИИ гигиены имени Ф. Ф. Эрисмана. Ирина Владиславовна — член общественной комиссии Комитета советских женщин по разработке предложений, связанных с улучшением положения женщин и детей. Она познакомила нас с результатами исследований, проведенных большой группой врачей шести ведущих научно-исследовательских ин-

БОЛЬШО...

ститутов страны, занимающихся вопросами гигиены труда, акушерства и педиатрии. Оказалось, что из-за специфических условий, в которых приходится работать женщинам на фермах (высокая бактериальная обсемененность, низкая температура на рабочих местах, необходимость поднимать тяжести, вес которых иногда в несколько раз превышает максимально допустимый для женщин), последствия бывают очень неприятные.

В законе сказано, что здоровье будущих мам, работающих в совхозе, охраняет 70-я статья КЗоТа, а тех, кто работает в колхозе, — аналогичная статья из Примерного устава. Звучит она так: «Беременным женщинам — членам колхоза предоставляется более легкая работа с сохранением среднего заработка по прежней работе...» Такая же статья содержится и в Законе о кооперации — основном законе, которому обязаны подчиняться колхозы.

Итак, с законом, как говорится, все в порядке. Но почему же в редакцию приходят письма, подобные тому, что мы процитировали? Чтобы ответить на этот вопрос, познакомимся еще с одним письмом.

«Я — рядовая колхозница, доярка. В этом году вышла замуж, потом забеременела, а когда пришла к начальнику участка с просьбой перевести меня на легкую работу, он сказал: «Куда же я могу тебя устроить? У меня легкой работы нет». Поехала я в район к юристу, он мне сказал, чтобы я обратилась к председателю. Ездил я к нему

4 раза, и все без толку. Что же мне делать? Неужели никому не нужны молодые матери, неужели не нужны здоровые дети? Вот я и хочу спросить у наших руководителей: мой будущий ребенок — разве он вам не нужен, как будущий гражданин, будущий труженик? Почему же вы так жестоко к нему относитесь?»

Нина БЕЗБОРОДЫХ, доярка колхоза «Родина» Алексеевского района Белгородской области».

Думаем, в этом письме и содержится ответ на наш вопрос: виной всему — элементарное равнодушие, которое проявляют по отношению к будущим мамам руководители хозяйств, трудовых коллективов, профсоюзных организаций.

Прочитав эти строки, председатель какого-нибудь колхоза воскликнет: «Ох уж эти мне журналисты, жизни не знают! Где я напасусь легкого труда для беременных? У нас в сельском хозяйстве вся работа тяжелая!» Аргументу этому много лет, и внешне он звучит убедительно: да, в сельском хозяйстве действительно легкой работы практически нет, женщинам одинаково тяжело приходится и на фермах, и на поле, и в кабине трактора. Но аргумент этот убедителен только внешне. ЛЕГКИЙ ТРУД В КОЛХОЗЕ ИЛИ СОВХОЗЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОТОМУ, ЧТО БЫТЬ ПРОСТО-НАПРОСТО ОБЯЗАН. СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ БЕРЕМЕННЫХ. В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ. И ТАМ, ГДЕ О ЖЕНЩИНАХ ЗАБОТЯТСЯ, ОН ДАВНО ЕСТЬ.

Год назад на ВДНХ СССР состоялась вы-

ставка «Подсобные промыслы в колхозах и совхозах СССР». Представлен был на ее стендах и опыт колхоза «Борец» Раменского района Московской области. Его председатель Алексей Федорович ФИЛИППОВ рассказывал:

— Подсобные цехи существуют у нас уже двадцать лет, но если бы их не было, мы бы их сейчас создали. И не только потому, что они дают весомую прибавку в колхозную кассу — 26 процентов прибыли, а еще и потому, что помогают снять остроту многих социальных проблем.

Вопроса, всем ли женщинам в их колхозе в случае необходимости предоставляется легкая работа, Алексей Федорович просто не понял. А поняв, удивился: «Ей же справку врач выдает, так какое же я имею право брать на себя ответственность и отменять решение врача?.. В нашем хозяйстве такие вопросы до председателя не доходят. Все решает отдел кадров, и жалоб я пока не слышал».

Старший инспектор отдела кадров Валентина Ивановна САГРИНА слова председателя подтвердила:

— Действительно, беременные женщины обрачаются прямо к нам, и мы им подыскиваем работу, сохраняя при этом средний заработок. Раньше конфликты с руководителями участков были — никак, помню, мастер не мог согласиться, что женщине полностью зарплату выплачивают, даже если она норму не выполнила. Сейчас к этому все привыкли...

Итак, если захотеть решить проблему — решить ее можно.

Предоставим слово секретарю ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса Людмиле Александровне СЕМЕНЫЧЕВОЙ:

— Любое, даже самое слабое хозяйство имеет возможность и оплатить будущей маме средний заработок, и предоставить ей более легкой труд. Как правило, больше четырех-пяти беременных женщин в хозяйстве одновременно не бывает. Трудоустроить их вполне возможно, а для этого следует развивать подсобные промыслы, которые, кроме пользы, ничего хозяйству не принесут. В конце концов беременным женщинам можно предоставить домашний труд или же вообще освободить их от работы, начисляя среднюю заработную плату. Стоит только захотеть...

Итак, не экономическая ситуация, а чисто человеческое равнодушие несет в себе зло. Зло, которое пытаются оправдать «объективными причинами».

Закон на стороне женщин, и женсоветы, профсоюзные комитеты должны добиваться исполнения этого закона. Но, видимо, пора ввести в наше законодательство статью, по которой руководитель, отказавший беременной женщине в предоставлении легкого труда, нес бы серьезную юридическую ответственность за то, что действиями своими, а точнее, бездействием, покушается на здоровье матери и ребенка.
Елена ДЕШКОВА,
Ирина НОРКИНА

Подарки миру жизни

...Ты
услышишь
ЕГО крик
и мгновенно
забудешь
пережитую
боль.
И останется
лишь
усталость и то
неведомое
тебе прежде
чувство, какое
не высказать
никакими
словами,—
чувство
матери,
подарившей
миру новую
жизнь.

Фото на
стр. 4, 6 и 7
А. СТЕПАНЕНКО.

Нет хора без отдельных голосов

Уже больше полугода в Москве ведется подготовительная работа по созданию новой женской организации. Общественной. Массовой. Добровольной. Главная ее цель — выявление и поддержка талантов, всяческая помощь женщинам, ярко проявившим себя в той или иной области художественного творчества.

Но как наладить эту помощь, как сделать ее реальной, действенной? Какими путями идти до каждого человека? Что необходимо учесть? Ведь существуют проблемы общие — для всех видов творчества и всех категорий женщин, а есть специфические — для отдельных групп. К тому же необходимо учитывать особенности разных регионов, отличия городских условий от сельских. Так что сами понимаете: перед организаторами Советской ассоциации женщин — деятелей творчества (пока что условно организация называется так, окончательное имя ей еще не выбрали) немало сложнейших задач.

В инициативную группу входят журналисты, писательницы, художницы, дизайнеры, модельеры, сотрудники издательств и телевидения — словом, это будущая ассоциация в миниатюре.

О намечаемых планах рассказывает председатель инициативной группы Татьяна РЯБИКИНА, известный публицист, автор книг по проблемам семьи и воспитания.

Каждый из нас — это целый мир, каждый наделен чем-то таким, чего нет у других. И если удастся человеку полностью реализовать свои способности, от этого выиграют все — и сам он, и семья, и общество в целом.

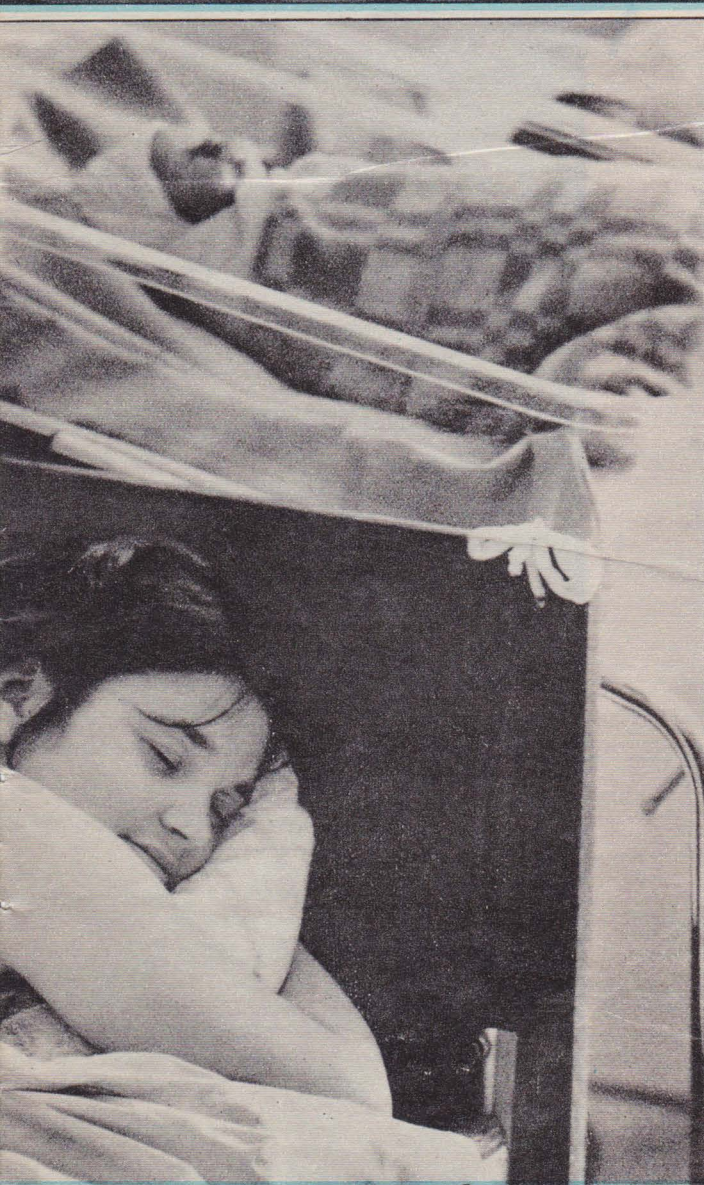
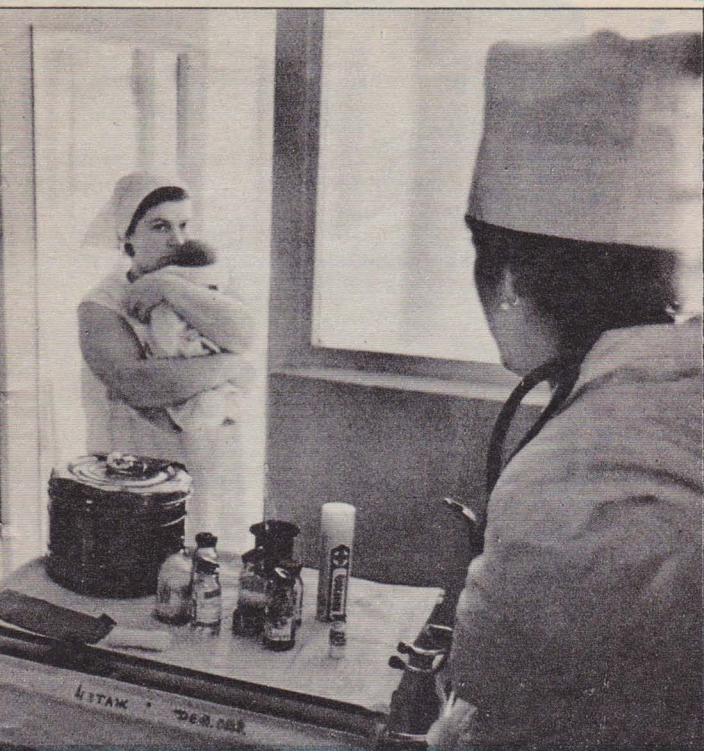
Но уж если городской женщине не всегда удается следовать призванию, что говорить о сельской. Во многих ли селах действуют у нас школы искусств, куда могут обратиться за консультацией и взрослые? Часто

ли наведываются в деревню специалисты, способные дать ценный совет одаренному человеку? Не по этой ли причине, с завистью слушая сегодня и читая в газетах про азартные дела арендаторов, бывшие деревенские люди признаются со вздохом: «До чего же тянет назад, к земле! Все бы побросал и вернулся. Но какие в селе возможности для ребят, для всесторонности их развития? Сын любит лепить, в изостудию уже третий год ходит, может, скульптором станет...»

Мы мечтаем, что дотянется наша будущая ассоциация своим вниманием и заботой до отдаленных уголков страны. Записали в своем уставе: «Внимательно выявлять одаренных девочек, девушек и женщин во всех регионах Советского Союза, помогать им в профессиональной ориентации и учебе, способствовать становлению и творческому росту...» Не для красного словца включен этот пункт. Разумеется, мы представляем себе всю многогранность и пока еще даже теоретическую неподготовленность такой работы. Но она необходима, остро необходима, значит, нужно ее разворачивать — в содружестве с педагогами-новаторами, психологами, комсомолом, профсоюзами. В идеале хотелось бы наладить сеть консультаций. И если нереально мечтать о такой консультации для райцентра, уж в областном городе должна она действовать (подчеркиваю, не завтра и не послезавтра. Наберемся выдержки, хотя всем нам так не терпится ускорить события!).

Хочется верить: со временем появятся у нас свои клубы. Там будут знакомиться друг с другом и общаться женщины, увлеченные различными видами творчества. Пусть покажут свои работы керамистки, вышивальщицы, вязальщицы, обменяются опытом, поделятся секретами.

А как вы относитесь к идее именных стипендий? Предположим, знаменитая исполнительница народных песен захочет поддержать одаренную молодежь

Поэтический клуб

и внесет на банковский счет ассоциации определенную сумму. И любой человек, вовсе и не знаменитый, но озабоченный судьбами искусства, может сделать то же самое: во все времена существовали меценаты. Разве не приятно сознавать, что своим трудовым рублем поддерживаешь талант?

Никогда не задумывались вы о том, почему в различных газетах и журналах пишут о довольно-таки узком круге женщин — писателей, художников, режиссеров? Наш пресс-центр поставит перед собою задачу — изучать и пропагандировать творческие достижения как можно более широкого круга женщин. Не должно оставаться в тени то, что может радовать всех нас, что может сделать нашу жизнь светлее и гуманнее.

Но как организовать всю эту работу по принципу самокупаемости? Откуда взять средства на поддержку начинающих, старых, больных, одиноких? Нас долго приучали к спасительной формуле «поможет государство». Но сегодня у государства уж больно много неотложных забот, так что правильнее, пожалуй, надеяться на себя, на свою расторопность и смекалку, на свое трудолюбие. Именно для того мы и объединяемся, чтобы стать тысячекратно сильнее и могущественнее. Рассчитываем, что оплатим аренду помещений, оборудование, материалы нам помогут коллективные мастерские и лаборатории по типу кооперативов, организуем платные консультации, очные и заочные курсы. Вероятно, какие-то средства позволят зарабатывать концерты, выставки-продажи, лекции, издательская деятельность.

Если вы, уважаемые наши читательницы, захотите принять участие в обсуждении проблем будущей организации — милости просим. Сейчас самое время. Вы

ражаясь сегодняшним языком деловых людей, идет мозговая атака. Ведь любому ясно: «нулевой цикл» для стройки — самый важный. Тем более если речь о фундаменте здания огромного и нестандартного.

Разработать устав организации нам помогли юристы Института государства и права АН СССР, экономисты Госкомтруда СССР. Используется опыт уже давно действующих, завоевавших в народе прочный авторитет общественных организаций: профсоюзов, Комитета советских женщин, Советского фонда культуры, творческих союзов. В числе учредителей — редакции журналов «Крестьянка», «Работница», «Советская женщина», «Журнал мод».

Мы мечтаем наладить связи между женщинами разных республик. Вообще установить в ассоциации атмосферу большой и дружной семьи. Предположим, познакомились на каком-то семинаре или творческом вечере городские и сельские рукодельницы. Разве не естественно обменяться адресами? Смотришь, в конце марта, на весенние школьные каникулы, пока в деревне еще относительно мало напряженной работы, покатила в город мама с ребятами. Проблему гостиницы решать не надо: в запасе есть адреса членов ассоциации. На недельку горожанам можно и потесниться, высвободить комнату для сельчан. А летом горожане, в свою очередь, приедут погостить семьями в деревню — на свежий воздух и парное молоко.

Несбыточные мечтания? Да что же тут несбыточного! Любой долгий путь начинается с первого шага. И еще всегда в подробных случаях вспоминаю я замечательную русскую пословицу, которую могу назвать жизненным принципом многих женщин: глаза страшатся, а руки делают.

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Среди интеллигенции, объединенной в наши творческие союзы, немало женщин. Путь к широкой аудитории созданных ими произведений и по сей день труден и долог. Да и бытовые условия их жизни порой непросты. Как преодолеть препятствия, отвлекающие от творчества? Задумались над этим женщины и стали создавать в своих городских и республиканских сою-

зах клубы, советы, ассоциации. При Союзе кинематографистов СССР, например, несколько лет тому назад учреждена Всесоюзная ассоциация женщин-кинематографистов. А недавно свой клуб основали писательницы. Цель этих объединений — способствовать наиболее полному и всестороннему вкладу женщин в развитие культуры, поддержка их в творческом и социально-бытовом плане, забота о том, чтобы само это творчество, несущее идеи добра, милосердия, мира, скорее доходило до читателей, зрителей, слушателей.

Стихи таджикской поэтессы, главного редактора журнала «Женщины Таджикистана» Мавджуды ХАКИМОВОЙ согревают ощущением добра, света и чистоты. Они говорят о внутренней силе и нежности тонко чувствующей души, способной свои лирические переживания сделать достоянием других сердец.

Мавджуда ХАКИМОВА

А В СЛОВЕ ЭТОМ ДОБРОТА...

*Мне с детства веяло теплом
От слова доброго «салом»!
Чужих, знакомых — всех встречать
Приветом приучила мать.*

*Мы жили в городе одном,
Для каждого из нас родном.
«Салом!» — тебе сказала я,
И родилась любовь моя.*

*А в слове этом доброта,
А в слове этом чистота.
Я вспоминаю о былом
С начала еветлого: «Салом!».*

*Еще не знали мы с тобой,
Что чувство — боль,
что чувство — бой,
Что жизнь подчас идет на слом...
Все заслонил от нас «салом».*

*Мы разлучились навсегда,
Жестоким «нет!» убили «да!».
Расстались мы... И поделом,
Теперь нет сил сказать: «Салом!»*

*Друг мимо друга мы идем
Под солнцем или под дождем.
Сердца изранены, и нет
Желания шепнуть: «Привет!»*

*Неужто хлам, неужто лом —
Все, что вмещалось в тот «салом»?
Как мы посмели позабыть
То, что могло б судьбою быть?*

*Нет! Пусть любовь опять меня
Жжет ночью и в разгаре дня!
Я не хочу в угаре злом
Забывать весеннее «салом!».*

ЖДУ И БУДУ ЖДАТЬ

*Я помню уголок в саду,
Тот, где журчит вода,
Где я ждала тебя,
Где жду,
Где буду ждать всегда.*

*Здесь первой встречи аромат,
И аромат цветов,*

И тайна первая,
И клад
Неповторимых слов.
Здесь,
 новобранец,
 в час ночной
Прощался ты со мной,
В лучах рождавшегося дня
Шепнув мне:
«Жди меня!»

И снова я в своем саду,
Твоим письмом горда.
Здесь я ждала тебя.
Здесь жду.
Здесь буду ждать всегда.

НЕ СКАЖУ...

Я не скажу, что молод ты,
Что в мире всех прекрасней ты,
Что красоты и что мечты
Один из всех — мерило ты.
Не говорю, что лунолик,
Что сердцем и душой велик,
Что образ твой в душе возник,
Сразив ее в единый миг.
Я не скажу, что нет бровей
Твоих и гуще, и темней,
Что пахнут волосы сильнее,
Чем мускус, что ты всех милей.
Уста плотнее затворю,
Я ничего не говорю.
Я б это все сказать могла,
Когда б в себе не берегла.
Одно скажу: вся жизнь светла,
Когда б с тобою я была.

ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Весенние цветы
Веселой красоты,
Вы — юной жизни пламя.

Вы — лучики зари,
Восторга фонари,
Весна прекрасна вами.

Пробились там и тут
Вы сквозь тяжелый грунт.
И нежность вы, и сила.

Вас собирал мой друг,
Растил вас добрый луг,
Надежда вас растила.

От вас не устаю,
Вам, как живым, пою
И с вами говорю я.

Какая ни беда,
Но с вами я всегда
Мечтаю, не горюя!

Перевела с таджикского
Римма КАЗАКОВА.

Имя Александра ЮДАХИНА, члена
Союза писателей СССР, автора семи
поэтических сборников, не впервые на
страницах нашего журнала. В этой
подборке — стихи из его новой книги
«Прохожий», которая выходит в 1989
году в издательстве «Современник».

Александр ЮДАХИН

* * *

В нашу эпоху помножены
 ветер на снег,
но и терпенье от Бога
 удвоено строго.
Я терпеливо надеюсь
 на дружбу навек:
друг, может быть, среди недругов
 ходит до срока.

* * *

Мне сказали хорошие люди,
как профессору верность храня,
на столичном балу в пересуде
ты добром помянула меня.

Вспоминаю тебя беспечно.
Буду счастлив — ты только приснишь.
Мы простились с тобою случайно,
ненароком навек разошлись.

ЛЕРМОНТОВ

Беззащитно желчный от желанья
стать однажды притчей на устах,
чтобы отомстить за невниманья
в молодых и воинских делах.

Безнадежно дерзкий, безрассудный,
любящий лишь бабушку свою,
одному Всевышнему подсудный,
мог затеять ссору и в раю.

Он ходил с усмешкою удобной
в час, когда хотелось околеть.
Женщины пленительной и доброй
не нашлось — простить и пожалеть.

У Державы не нашлось привета,
огонька у друга и родни,
чтоб душа ранимого поэта
отогрелась в ледяные дни.

СЕЛЬСКИЙ ЖИТЕЛЬ

Разница в сорок,
но вы дополняли друг друга.
Он дальнорук,
а ты навсегда близорука.
Он недоверчив,
а ты по-щенячьи беспечна.
Пулей отмечен,
войной покалечен навечно,
он, однорукий,

бывало, прижмет, приголубит,
дома от скуки
поленицу справно нарубит.
Люди мотались
совета просить из района.
Ты же, мытарясь,
рубашку палишь из нейлона...
Вот научилась в охоту
готовить и гладить,
можешь с любой работой
крестьянской сладить.
Разница ваша
значение иметь перестала.
— Видел бы Саша! —
Над Сашей звезда из металла.

БАБУШКА

Бабушка почти что девяносто
в мире прожила.
Все слыхала и видала остро,
все его ждала.
Сорок лет надеялась бабуля,
каждый долгий год,
что ошиблась вражеская пуля
и сынок придет.
Только, видно, пуля угадала —
дядя мой не шел.
До конца родимая страдала:
тихо, хорошо
умерла она в одно мгновение,
сколько можно ждать?
Но успела все долготерпенье
внуку передать.
Я живу теперь
в сплошной тревоге,
сам, поди, отец:
не могу заснуть —
а вдруг с дороги
завернет боец?
Вдруг Она права — вернется дядя,
не погиб, живой,
с орденами, словно на параде,
и совсем седой?
Пусть бы он и не такой вернулся:
хоть без ног, без рук...
Хорошо бы, чтоб на мне замкнулся
этот страшный круг!

Рис. Н. САВЕЛЬЕВОЙ.

Женщины всегда говорят о детях. Поговорим и мы. Ведь ради них живем — а как же? Социологи утверждают, что большая часть семей сейчас «детоцентрическая», то есть крепится детьми, «вокруг» детей функционирует. Но каков он, наш ребенок? Хорошо ли ему живется?

СНЕЖАНА

После института меня, педиатра, назначили участковым врачом и участок дали, как говорится, «на новенького»: у 49 семей — двойни, у 6 — тройни, несколько многодетных. Но самым трудным ребенком оказалась Снежана, дитя единственное.

Мать ее — из тех женщин, для кого долгая и неудовлетворенная жажда материнства стала страстью, почти манией. Где-то к 40 годам она, наконец, родила дочку. И назвала ее, вымоленную, роскошным именем.

При появлении на свет Снежана не дотягивала до 1700 граммов. Можете представить себе, как тряслась над ней мать и как опасна была малышке любая болезнь. И, конечно, в первую же эпидемию гриппа она заболела.

Мы с моей медсестрой, такой же, как я, девчонкой, решали мучительную проблему: класть Снежану в больницу или нет. То есть мы обязаны были это сделать. Но мать, сама медсестра, до ужаса боялась новой инфекции. Снежана могла ее там подхватить, мы это понимали. А если не госпитализировать ребенка, то — случись с ним что — из нас с моей медсестричкой котлету бы сделали. Но мы были молоды, еще не напуганы и потому бесстрашны: оставили Снежану дома. Вернее, устроили ей стационар на дому: я забегала в этот дом два раза в день, медсестра проводила там едва ли не все свободное время. Глаза матери, полные отчаяния, которого мы еще не знали, по молодости лет не успели испытать, заставили нас сделать это. И судьба над всеми нами сжалилась. Девочка выздоровела, постепенно выровнялась, только осталась миниатюрной, как куклолка.

В последние годы этот страх за ребенка выпал на долю всех матерей нашего города: Чернобыль недалеко от Киева. Знаем — и физики, и медики на страже... И все равно, как никогда раньше, остро, болезненно ощущаем, сколь уязвимо дитя, какие они хрупкие — наши Оксанки и Дениски.

В ходе предвыборной кампании все кандидаты в народные

депутаты СССР включили в свои программы действия в защиту природы. Иначе у них не было шанса быть избранными. Писатель и врач Юрий Щербак, например, предложил включить нормальную экологическую обстановку в ряд неотъемлемых прав человека, гарантированных Конституцией. Этот пункт его программы, расклеенной по городу, люди подчеркивали карандашом, обводили.

Но окружающая среда — не только экология. Социальная защищенность, нравственный климат — тоже. Сейчас растет число матерей-«отказниц», бросающих своих детей в роддомах. Но кто они? Мы это исследали. Или наркоманки, алкоголички, бродяжки, или молоденькие девчонки, которых не взяли замуж, у которых нет своего угла и зарплата такая, что двоим на нее не прожить, очень часто — обительницы общежитий. Может быть, не только они виноваты в том, что у них не проснулся материнский инстинкт? «Отказницы» черствы, но и жизнь показала им не самые светлые свои стороны. До трудного счастья — но счастья! — матери Снежаны они просто не успели дожить, задавили в себе женскую свою суть — несчастные девчонки, вчерашние девочки. Хорошие, нормальные люди обычно вырастают из любимых детей, трезво, заботливо воспитанных, закаленных нравственно и физически.

*Дети-
наше будущее,
кто же
не знает*

КАК ВАЖНО БЫТЬ ЛЮБИМОЙ

Уверенность в себе, в том, что мир доброжелателен и благосклонен, наши дети теряют, шагнув за порог родного дома. Обожаемое, часто единственное дитя, выходя в мир, становится «усредненным», одним из множества. Кто не

страдал от этого?

В детстве я болела, и меня освободили от физкультуры. Мы не можем мучиться от утраты, если не знаем, что потеряли, и отлучение от спорта я переживала легко. Но ведь не велели и танцевать! Нельзя резких движений, нельзя разгорячаться, нельзя переохладиться. Надо бояться сквозняков и помнить о болезни. А мне — 14 лет. А сверстники с упоением пляшут рок-н-ролл и твист.

Но в школу пришел новый преподаватель физкультуры. Он не знал, что мне ничего нельзя. Он углядел во мне (как?!) данные гимнастки и позвал в спортзал. И я пошла. Тайком от мамы. И этим мучилась, потому что скрывать что-либо от мамы еще не умела. Через четыре месяца у меня и на брусьях, и на турнике стало «получаться».

Потом я вошла в сборную области, поступила в физкультурный институт. Медицинский окончила позже. Тренера, который из закомплексованной семиклассницы сделал спортсменку, звали Николаем Семеновичем. Стыдно мне, фамилии его не помню. Я ведь не знала тогда, что такие педагоги — исключение из правила. Я узнала это, когда привела в спортивную школу свою шестилетнюю дочку.

Женщина-тренер велела ей сделать шпагат, и она сделала. Сказала: «Встань на мостик». Встала и на мостик. А на турнике подтянуться без посторонней помощи не сумела.

— Ну вот,— недовольно заметила женщина-тренер,— пока я сделаю из нее человека, мне ее 3—4 года надо таскать на руках.

А как же мой-то тренер, Николай Семенович, меня, которая весила сорок пять килограммов, а не девятнадцать, как моя Наташа, учил, «делал человека»?

— Не знаю,— ответили мне,— теперь такие тренеры перевелись!

Все это встало в памяти, когда нынче весной в газете «Вечерний Киев» мы с музеем прочитали письмо девочки. «Я стыжусь себя,— писала эта девочка,— во мне метр и 83 сантиметра роста. Я на две головы выше всех в классе. Я и на танцы не хожу. Все равно никто не пригласит, та-

кая «гулливерка» никому не нужна».

Муж — он тренер по гребле — сначала прочел это письмо как профессионал. Во многих видах спорта, сказал он, высокий рост как раз преимущество, в той же гребле. Собрать бы таких девчонок, заниматься с ними. Когда их много, они забудут о своем росте. Тем более что ребята рядом будут высокие. К тому же спортсмен никогда не чувствует своей физической ущербности. Скорее уж наоборот.

— Кто же их соберет? — спросила я.

— Я соберу,— ответил муж.

Он связался с газетой. Газета объявила, что создается новый клуб: принимают тех, кто выше 1 м 80 см. Пока клуб не имеет имени. Это сделают сами ребята, сами определяют, кто же они. Ведь по-разному чувствуют себя закомплексованная «гулливерочка», баскетболистка, чей рост — залог спортивного успеха, и, скажем, манекенщица журнала «Бурда». Общего у них только то, что все они выше обычного роста. Кажущийся недостаток может обернуться преимуществом! Только надо собой заниматься. И этому должен кто-то научить.

Николай Семенович! Если вы прочтете эти строки, знаете: благодарная память о вас причина того, что клуб этот есть. Мой муж и так работает семь дней в неделю. Я бы, Николай Семенович, как всякая нормальная женщина, была против того, чтобы его рабочий день удлинялся, если бы не вы. Я даже беру в том клубе на себя медицинский осмотр.

ОБРАЩАЮСЬ К ЖЕНСОВЕТАМ!

Приоритет детей в семье растет — никогда мы так не зависели от них, как сейчас. Но приоритет детей в обществе, к сожалению, невысок. Дети попали у нас в «остаточный принцип»: на их воспитание, лечение, учение, на их одежду и обувь шли лишь те средства, что оставались от других отраслей хозяйства, кажущихся более важными. За то и расплачиваемся.

Дети у нас, кроме того, проходят по разным ведомствам:

по ведомству педагогики, медицины, финансов, легпрома — детство как бы разгорожено на клеточки. Отсюда — нестыковки. Вот как это выглядит, если смотреть с моего рабочего места врача-инспектора Управления специализированных детских санаториев Минздрава Украины.

Приезжает ко мне диетсестра из такого санатория: она не может решить задачу, как накормить ребенка, если по методической разработке ученых-диетологов на это требуется в день два рубля, а в реальности есть рубль тридцать пять копеек? Дело в том, что ученые указывают стоимость продуктов в ценах, существующих сейчас, а Министерство финансов — в тех, какие были тридцать лет назад. Об этом парадоксе мы, медики, писали во все инстанции. Через два года обещаю дать по два рубля на ребенка. Но эти два года тоже надо как-то прожить. И диетсестры крутятся: одни исключают дорогостоящие продукты (обычно соки, фрукты). Другие варьируют раскладку: скажем, вместо дешевого (но очень плохого) мяса берут то, что получше, но при этом несколько уменьшают порцию. В этом случае, если придет комиссия, несдобровать диетсестре! А мы, работники министерства, просим денег, где можем: у профсоюза, в Детском фонде и так далее. Нам бы, как гайдаровскому Кибальчишу, лишь бы «ночь простоять да день продержаться». Спрашиваем друг друга: «Кто в школе хорошо сочинения писал? Пиши письмо в Фонд. Чтб они рыдали от жалости». Пишем. Сами чуть не рыдаем.

Почти все наши детские санатории нуждаются в капитальном ремонте. Надо строить новые — много больных детей, нельзя, чтобы они стали хрониками. Наше министерство принимает решение: сорок процентов всех средств выделить именно на это. Деньги, таким образом, есть. Но кто нам даст стройматериалы? Рабочих? Ведь Госстрой не принимал решения строить учреждения для детей в первую очередь. И мы ищем теперь спонсоров — в духе времени. Рассуждаем так: ведь есть же где-то богатые предприятия или агрофирмы, которые захотят

иметь на юге свою здравницу. Они нам построят санаторий, а мы их детям будем давать путевки. Пытаемся быть предпринимателями.

Передо мной пачки писем. От родителей больных детей, не сумевших достать путевку. Обычно к письму приложена еще пачка — следы того, как пытался человек достучаться до разных инстанций. Эти попытки могут длиться несколько лет! К одному из писем приложен был школьный табель мальчика: одни пятерки. А у него поражение центральной нервной системы, ходить не может. Но учится в обычной школе, умеет плавать, стрелять из пневматического ружья. По бумагам видно: ребенок прилагает героические усилия, чтобы победить болезнь, жить нормальной жизнью. И такому не дать путевки! Ребенку, которому с его страшной болезнью МОЖНО помочь! (Бывает и так, что помочь нельзя.) Тем более что в санатории психоневрологического профиля у нас довольно много путевок, бывает даже, не все забирают!

Другой случай: вдова с тремя детьми, старшая девочка — инвалид. Тяжело заболела средняя, младшей пять лет. Тоже не может достать путевку. Обратилась на шахту, где работал муж, там пообещали, а профсоюз отрасли отказал: «Вы не нашего профиля». Просила на работе дать возможность работать по четыре часа в день — тоже отказали: «А если все захотят?» Кто — все? Что, у всех дети инвалиды?

Мне скажут: а вы куда смотрите? Когда мы такое видим, то, конечно, решаем вопрос. Но путевок этих 19 тысяч, не усмотреть за тем, как распределяется каждая. Нас же несколько человек, да и то, говорят, много, аппараты министерств сокращают. Есть ситуации, когда мы знаем о неблагополучии и не можем ничего сделать. Например, сельские дети получали только 18 процентов наших путевок, и это было несправедливо. Мы тогда распределяли их по областям, полагая, что на месте виднее. Теперь разверстываем путевки по районам — 22 процента деревенских детей их получают. Тоже мало. Где-то они застревают. Я обращаюсь к женсоветам: помогите, вы

же знаете детей в своих районах. У нас нет многого необходимого, но пусть хоть то, что есть, распределяется по справедливости.

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ В «БАРВИНКЕ»

Когда это случилось в Чернобыле, из окрестных сел срочно вывозили детей. Семь автобусов прибыли и в санаторий «Барвинок». Кто видел тех детей — до конца дней не забудет. Одеты как попало — в зимней шапке, к примеру, и в трусиках. Какие-то наспех свернутые пакеты — с салом, кусками хлеба: что под рукой было, то и сунули. У самых малых — трех-пятiletок — зеленкой на ручках написаны фамилии.

Собрался весь персонал санатория, не разбирая, кто в отпуске, кто нет, чья там смена. Оказалось, что одежды на всех не хватает, — слетали быстренько по другим санаториям, взяли одежды там. Не считаясь, кто врач, кто няня, мыли детей, одевали, кормили. Только к четырем ночи управились, сели, вздохнули.

Вдруг слышат: где-то вода течет. Вроде в умывалке. Открыли дверь, а там девчонка лет трех краны пооткрывала, шлепает по воде, веселится. В первый раз она водопровод увидела. А мальчик, ровесник ее, стульчак гладит: «Ой, погляньте, який гарний!» Кто-то плачет, маму зовет... Ну и персонал — в слезы.

Нет, мы не злые, не равнодушные люди. Но за минувшие десятилетия от сознания своей социальной незащищенности мы привыкли, что каждый — за себя. Алесь Адамович назвал это «бункерной психологией». Но пришла общая беда, и мы стянули с себя свои защитные раковины, ощутили, что судьба у всех — по большому счету — одна. Что дети наши — птенцы одного гнезда, и когда гнездо в опасности, мы бросаемся его защищать. Но, может, и беды на нас будут обрушиваться реже, если мы станем жалеть не детей в целом, а каждое дитя... Ведь каждое из них станет частью поколения, судьбу которого разделят и наши дети, те, кого мы любим и бережем без всяких уговоров. Людмила ЕВМИНОВА, врач.

Снимок прислал на наш фотокурс В. ЩЕКОЛДИН.

Служба надежды

Из деревни — В деревню?

Несколько номеров «Крестьянки» вышли без привычной рубрики «Служба надежды». Наши читатели быстро отреагировали: «Неужто редакция охладела к переселенцам? Может, с адресами стало худо?»

Нет, поток адресов не иссякает. И посетителей все прибывает. Но чем большую популярность приобретает «Служба надежды», тем больше новых проблем и вопросов встает перед ней.

Вот, скажем, такой поворот: многие наши адресаты хотят переехать из одной деревни в другую. Получается, что мы, решая кадровую проблему для одних хозяйств, другие по миру пускаем. А ведь поначалу картина была иной! В село уезжали горожане, те, кто так и не привык к городу, у кого нет жилья. Таких, правда, и сейчас немало, но значительно меньше, чем раньше. Причина? О ней можно судить по письмам.

«Направьте меня в такое хозяйство, где я могла бы жить и работать в нормальных условиях. Мне тридцать лет, воспитываю троих детей. Работаю телятницей. Работа нравится. Но нет у нас ни детского сада, ни школы, ни медпункта. Детей увозят в интернат, неделями их не видим. Не могу больше так жить.»

Галина БУРДИНА, Пермская область».

Как тут (а таких случаев тысячи!) должна поступать редакция? Неужто отказывать людям в их естественном стремлении жить в человеческих условиях?

Несмотря на недовольство председателей колхозов, районных руководителей, от которых люди бегут, мы помогаем «беглецам» и будем помогать впредь. Правда, легкой жизни не обещаем, трудностей не скрываем. Работать везде придется много — это ясно. И райских условий пока нет нигде. Но есть в местах массового притока переселенцев то, по чему так соскучились люди: внимание к нуждам деревенского жителя, к его быту, такому до сих пор нелегкому. Первые же шаги руководителей в этом направлении радуют и обнадеживают.

Так что переселенческие маршруты лучше многих исследований показывают нам, где собираются переустраивать жизнь, а где надежд никаких. Редакция оставляет за собой право пристального интереса к тем хозяйствам, откуда люди уезжают особенно «массово», ведь это признак крайнего неблагополучия.

В последнее время помощь наша переселенцам стала более индивидуальной: переписываемся и принимаем посетителей лично. Тем более, что у «Крестьянки» появилось много помощников и в Москве, и на местах.

Создан, например, штаб по трудоустройству в Новгородской области. Вот что написал нам его представитель Юрий МИХАЙЛОВ:

«Мы располагаем широкой информацией по хозяйствам. Должны признаться, что трудностей у нас много: жилье неблагоустроенное, с печным отоплением. Большинство сел не газифицировано. Неважно с дорогами. Но, чтобы изменить эту неприглядную картину, нужны люди. Очень ждем животноводов, механизаторов, строителей, культработников, учителей. Тех, кто решится приехать, просим предварительно сообщить состав своей семьи, специальность. НАШ АДРЕС: 173005, НОВГОРОД, ПЛОЩАДЬ ПОБЕДЫ, ОБКОМ ВЛКСМ, ШТАБ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ.»

Ждет энтузиастов и Вологодчина. Проблемы и условия примерно те же, что и в Новгородской области. Кто захочет переехать, НАПИШИТЕ НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА КАДРОВ ОБЛАСТНОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМИТЕТА ЛЕОНИДУ ЯКОВЛЕВИЧУ РУСОВУ: 160000, Г. ВОЛОГДА, УЛ. МЕНЖИНСКОГО, 19.

Появление таких информационных служб на местах может наглядно показать областным, районным руководителям, где и как живет людям. Тогда, возможно, районы неблагополучия будут взяты под особую опеку и перестанут рваться люди из одной деревни в другую.

ВЫБ ЧТО

«Из 966 недавно обследованных полей 168 заросли полностью, 239 — свыше сорока процентов...» «За двадцать лет, с 1968 года, исчезли с карты Смоленской области 2072 населенных пункта...» Чурины этой печальной статистики не знали. Они с Урала, коренные горожане. Но именно Чуриных всякий раз называют, когда говорят о возрождении смоленской деревни. При чем тут Чурины? Да при том, что были они первыми арендаторами. Это сейчас в области уже около 200 арендных коллективов в животноводстве. А начинали — Чурины...

ИРАЕМ, НАМ ПО ДУШЕ

*Душно
самоуверенно*

В колхоз «Авангард» Анатолия послали для оказания шефской помощи. На заброшенную ферму они с приятелем наткнулись случайно: гуляя по краю оврага, видят — сарай, крапива аж на крыше растет. Пригляделись: добротный кирпич, нигде не разрушено. А что, если... Пошли к Трандину, председателю, посоветоваться. Тот видит: молодые мужики, самостоятельные — да берите хоть всю деревню, не то что ферму. Работать некому, в Волочне уже пять старух осталось. Потому и ферму закрыли.

— Берите коров, — предложил Трандин. — Вон группа бесхозная стоит, доить некому.

Конечно, председатель понимал, что рискует, у арендаторов и опыта-то нету, но другого выхода не было... Приятель с женой отказались, а Татьяна и Анатолий Чурины согласились.

Вспоминают о тех днях они охотно, друг друга перебивают. Это их недавнее труднейшее испытание, и они его выдержали.

Татьяна:

— От Варваровки до нашей фермы — километра три. А сколько мы шли с этими коровами! Зато в пути и познакомились. Привязывали... солью. Насыплю на ладонь, зажмурю глаза, — пока она слизывает, я ее приручаю. Все ждала: вот сейчас укусит! Это ж после узнала, что коровы не кусаются.

Анатолий:

— Однажды наше стадо на пастбище с колхозным смешалось. Пастух недосмотрел. Кто у нас пастух? Да Шурик, сын. Ему тогда уже десять было, взрослый. А вот недосмотрел. Мы думали: все коровы одинако-

вы. И вдруг — узнаем своих «в лицо». А они — нас. На пастуха пришлось штраф наложить, — он не бесплатно работает. Например, навоз почистить — копейка за «голову». А их — 56. Со старшей, Натальей, наперегонки чистили. Дочка за лето, можно сказать, на свои деньги оделась. И Шурик велосипед купил, да еще осталось. Даже пятилетняя Анечка старалась помочь!

Татьяна:

— Некоторые нас осуждают: говорят, портят детей деньгами. Да разве ж заработанными испортишь? Наоборот! Я сыну говорю: «Тебе повезло». На каникулы его школьные приятели порабатать просятся — возьмем.

Анатолий:

— Соседки тоже жалостливые. «Вы, — говорят, — на Шурике выезжаете. Только и слышишь: «Шурик, сбегай, Шурик, принеси!» А почему он должен лодырем расти? Я вот теперь понимаю, отчего в крестьянских семьях раньше так парней ждали. Это ж помощники отцу! Сын — моя надежда. Ведь здесь можно со временем фермерский городок создать, места какие! Я думаю, вернутся же сюда когда-нибудь уехавшие или их дети. Вон там можно кооперативную пасеку завести, здесь — овчарню...

Но «свои» не спешат возвращаться. Вот и партнеры — молодая семья Сергейчуков — не местные, а приезжие с Волыни. Василий, тракторист, приглянулся Чурину на молокозаводе. Серьезный, самостоятельный. А когда узнал, что жена Василия работает на ферме, просто сватать начал. Есть у Чуриных три трактора; два, правда, списанных, но на ходу. Толя сам к ним руку приложил, по всему району запчастей искал. Зато МТЗ-80 отдан ему в аренду новеньким; платить за него — 800 рублей в год. За списанные Т-25 и ДТ-75 арендная плата не предусмотрена, а со временем по остаточной стоимости

и выкупить можно. Два прицепа есть, старый плуг: ведь за Чуриными закреплены 82 гектара земли. И сенокосы, и пашня. Корма для своего поголовья сами будут выращивать. Это же выгодно: ферма может полку, а поле — ферме. Областное начальство обещает и косилку выделит, и силосоуборочный комбайн. А главное — обещали купить для Чуриновской фермы десять — пятнадцать нетелей в «Лесном», под Ленинградом. Анатолий только оттуда хочет «завод» взять: голштинизированные черно-пестрые. И именно нетели.

— Да где же столько денег наберешь? — недоумевал Василий.

— Э, брат. Не в колхозе, конечно, они сами в долгах. У меня поручитель есть, по-нынешнему спонсор — смоленский завод «Сантехмонтаж». Он с колхозом заключает договор, а я с ним. Спонсор кладет на мой счет в банке 40 тысяч рублей, банк с таким «гарантом» счет открывает. Я в течение пяти лет выплачиваю спонсору долг... мясом. Всем выгодно!

— А колхозу?

— А колхозу — молоко...

О том, что Чурины на смоленской земле все-таки и надолго, говорит такой факт: первоначальный договор на аренду, заключенный с колхозом на пять лет, теперь, со спонсором, который, кстати, сам Чурина «нашел», переписан на пятнадцать. Кажется, все довольны, кроме... ПМО. Что за «фирма»? А это недавнее РАПО. Теперь — ПМО, что значит производственное межхозяйственное объединение. Так вот, председатель ПМО Леонид Игнатъевич Ильющенков помрачнел, прочитав арендный договор.

— Это же кабала! — воскликнул с горечью. — Не для Чурина, для колхоза. Куда смотрел Трандин, не понимаю, он ведь мужик опытный.

Что же, по мнению Ильющенкова, «закабалит» колхоз «Аван-

гард»? Дело в том, что в арендном договоре есть пункт, по которому арендатор в течение пятнадцати лет будет поставлять колхозу молоко по госзакупочной цене из расчета 2000 килограммов на фуражную корову. Все, что будет получено сверх этого надоя, реализуется по усмотрению арендатора.

— Тому же «Авангарду» и достанется, — говорит Чурин. — Только цена будет другая.

— Вот-вот, — подтверждает Ильющенков. — Цена другая. А если совхоз «Победа» тебе больше даст?

— Реализую в «Победе», — твердо сказал Чурин.

— А земля-то у тебя чья? Колхозная!

— Так и нужно, чтобы не числилась она на этот срок за «Авангардом», не включалась в плановые расчеты! Тогда бы и у председателя голова не болела. Чтобы сами Советы мне землю в аренду сдали.

Сама логика жизни подсказывает, что сельское хозяйство должно быть многоукладным. И колхоз, и арендатор должны находиться в равных условиях. Только тогда земля обретет хозяина.

Со временем Чурин намерен выкупить ферму. У него же сын растет, есть кому продолжать дело, в которое столько сил вложено и столько еще предстоит вложить. Впрочем, стоит ли загадывать так далеко вперед?

— Я не был бы фермером, если бы не загадывал, — улыбнулся Анатолий. — Впрочем, скорее это не загад, а расчет.

Должно быть, «расчетливый» Чурин верит в будущее: в деревне Волочня среди ветхих почерневших домов белеет новенький сруб: Чурины строятся.

Сергейчуки тоже о стройке поговаривают, но дом на Волыни продавать не собираются. Партнеры они добросовестные, надежные. Да вот дочка подрастает, в школу скоро. А дороги нет. От шоссе до Волоч-

ни каких-нибудь полтора километра, но в распутицу они непреодолимы. Обещают проложить, а когда?

Хотелось бы Чуриным и Сергейчукам, чтобы дети пошли по их стопам? Конечно, хотелось бы. Но человек должен сам выбрать, что ему по душе. Выберет ли их дети ферму? Это от фермы будет зависеть. Такую — вряд ли, уж очень тяжело. Хотя и механизация есть, их коровник — не самый худший, а сколько ручного труда!

Арендаторы понимают: без техники дело не поставить. Ферма должна быть современной. Поэтому они из взятых в рассрочку у спонсора сорока тысяч тридцать на племенное стадо отвели, а девять — на технику. Подали заявку на комбайн КИР, рулонный подборщик, косилку, разбрасыватель органических удобрений. Дорого. А что делать?

— Будь мы не одни, можно было бы сообща, несколькими фермерскими хозяйствами владеть техникой, — говорит Чурин. — Кооперироваться с колхозом не выгодно. У нас ведь так и было в прошлом году. Картофелесажалку я получил, когда она освободилась. Сроки были упущены.

Конечно, всю технику иметь невозможно. Скажем, картофелесажалка нужна на один день. Надо ли ее покупать? Но и после того, как колхоз отсеется, не выгодно брать. А вот было бы нас, арендаторов, побольше, можно было бы организовать районный пункт проката.

Возможно, так когда-нибудь и будет: арендаторов в районе уже немало. В авангарде тут — колхоз «Авангард». Выходит, не по неосмотрительности попал он к арендатору Чурину «в кабалу»?

Хороша «кабала», если средние надой по колхозу 1500 килограммов, а Чурин 2000 гарантирует. Ну, а больше получит и помимо колхоза продаст, тоже не беда. Только бы земля родила, коровы доились.

Только бы люди из деревни не уезжали.

У Чуриных в минувшем году надой хоть больше, чем в колхозе, но невелик: 1965 килограммов. Из 35 коров, на которые падает расчет, 14 оказалось яловых. То ли по недосмотру, то ли по чьему-то умыслу.

Это тоже было испытанием. Быть может, самым трудным. И Чурины его выдержали. Потому им сейчас все так охотно помогают. Ведь если человек через все это прошел и не разочаровался, значит, он пустил корни. Но как оградить арендатора от таких «случайностей» впредь?

Чурин назвал свой арендный коллектив «Шанс». А что? Может, и вправду это — шанс? Шанс проявить себя в деле, и не только арендатору. Шанс дорасти до своего времени, до своей должности, своего предназначения. Разве все, кто уехал в город, так уж счастливы там? Есть шанс вернуться в родные места! А работнику районного масштаба разве не нужно смотреть чуть дальше своего района? И они могут доказать, что не только бумажки умеют переключать, — организация аренды и от них потребует полной отдачи и творческого подхода. Есть шанс доказать, что ты — не чиновник, а организатор! А промышленность? У нее есть прекрасная возможность отдать хоть маленькую толику огромного долга перед селом. Форма отдачи самая разная. Смоленский «Сантехмонтаж» взял на себя роль спонсора — и не прогадал.

С недавних пор и у смоленских животноводов, работающих на малых фермах, в том числе и арендных, появился шанс заменить свою развалюху на «зданье дешевое, компактное в застройке, с полным набором основных и вспомогательных помещений». Вот так именуется проект, который к тому же «выполняется с учетом пожеланий заказчика». Славный коровничек на 25, 50 и 100 голов «с за-

ект» уже поступила одна заявка — от семейного арендного звена из Вяземского района. Ну, а что же другие? Ведь коровник, скажем, на 25 голов стоит не так уж дорого, 66 тысяч. И окупится через 2,5 года. Почему же не засыпали проектантов заявками?

Если бы кто-то учел еще одно, маленькое пожелание заказчика: чтобы строители нашлись да стройматериалы.

Ну, а для уже существующих ферм, где не надо строить, что предпринимается? Будет ли у Чуриных когда-нибудь молокопровод?

Для маленькой Анечки Чуриной все, что делают мама с папой на ферме, пока только веселая интересная игра. Пока...

В облагропроме заверили: будет. И недорого. На сафоновском заводе «Пластмасс» разрабатывается емкость, с помощью которой линейные доильные установки переоборудуют в молокопроводы. Завод уже достал прессформы, но...

— Тяжело идет, — сказал со вздохом Плотников. — Главный тормоз — пункт договора: чтобы стоимость не превышала стоимости промышленной установки. Думаю, в этом все дело. Но ведь работать для села — это работать для себя! Кажется, не трудно понять, насколько важен этот заказ...

Товарищи заводчане! У вас есть шанс увидеть на прилавках чуточку больший ассортимент мясных и молочных продуктов. А вот когда, это и от вас зависит.

...«Жигуленок» Чурина, как синяя молния, мотается по смоленским дорогам, а чаще — по бездорожью. То копеечный сальник нужен, то еще что-нибудь. Но вот всей семьей — «полный бак — и вперед!» — обратиться к истокам Днепра — это на сегодняшний день мечта недостижимая. Разве оставишь свое ревущее хозяйство? Выспаться — и то не удастся. Аренда — не для слабых, об отдыхе забыть надо. Может, потому обе мамы — и Татьяна и Валентина — для дочек иной судьбы желают? Впрочем, дочери сами выберут свою дорогу. А вот Толя так хочется дать шанс — побывать у истоков Днепра. Или хотя бы выспаться... Конечно, когда писатель работает над книгой, его не спрашивают о распорядке дня. А Толя и относится к своей ферме, как к творческому делу. Быть может, потому и к нему такое уважение. Но больше всех чтят арендаторов местные бабушки, ведь им теперь есть, где покупать молоко.

НИНА КОРИНА
Деревня Волочня,
Кардымовский район,
Смоленская область.

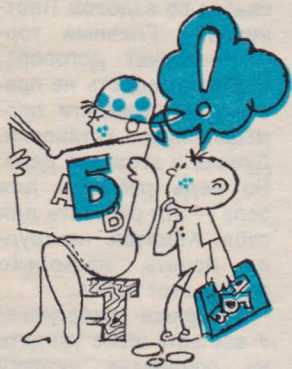
Фото Е. МАТВЕЕВА.

Станет Шурик фермером или не станет, чего гадать. Не это главное. А главное, считают родители, чтобы вырос он трудолюбивым, хозяйственным, чтобы сызмальства крепко стоял на ногах.

конченным циклом производства». За этим проектом работники агропрома специально ездили в Калинин. Размножили, разослали, как сказал Владимир Георгиевич Плотников, начальник подотдела комплексной механизации облагропрома, в каждый район. Говорят, в «Смоленскагропромтехпро-

Азбука Арендатора

В апреле этого года принят Указ об аренде. Хочется надеяться, что теперь желающих стать арендаторами будет больше. Но многие положения нового Указа требуют пояснения. Наша «Азбука» поможет начинающим арендаторам лучше увидеть возможности, которые теперь для них открыты.

Аренда начинается с **АРЕНДНОГО ДОГОВОРА**. Это документ, в котором определяются отношения между арендатором и арендодателем (колхозом, совхозом, перерабатывающим или иным предприятием). Договор подписывается руководителем предприятия и тем, кто берет что-либо в аренду. Сразу после подписания договор обретает силу юридического документа. Он никем не утверждается, ни с кем не согласовывается.

Что же это за документ?

Арендный договор, если говорить по суще-

ству, отвечает на такие вопросы:

— кто, у кого и что берет в аренду, на какой срок, за какую плату;

— что будет производить арендатор;

— на каких условиях и за какую цену он будет реализовывать произведенную продукцию;

— какую помощь (финансовую, организационную) обязуется оказывать арендодатель;

— какую ответственность несет арендатор за материальные ценности, взятые в аренду.

Договор на аренду земли может заключаться на срок до 50 лет, других средств производства — на срок их амортизации. Это, конечно, не означает, что все вопросы взаимоотношений должны быть сразу решены на весь период действия договора. Большинство вопросов, и в первую очередь таких, как объем и ассортимент реализуемой продукции, размеры арендной платы, цены и т. д., целесообразно определять на пятилетний срок. Это даст возможность периодически дополнять условия взаимоотношений. При этом новый арендный договор составлять необязательно, а все изменения, в том числе и о наследовании арендуемых участков, можно оформить в дополнительном соглашении.

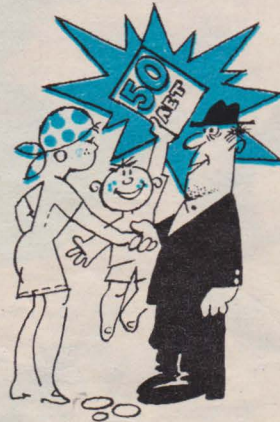
Теперь вернемся к некоторым разделам договора, и прежде всего к тому, где говорится об условиях аренды. Главное в этом разделе — **АРЕНДНАЯ ПЛАТА**.

Арендная плата может осуществляться как в денежной, так и в натуральной форме. Например, в колхозе «Альседжай» Литовской ССР арендная плата

установлена в размере 150 рублей за гектар пашни и 50 рублей — за гектар лугов. В колхозе «1 Мая» Марыйской области Туркменской ССР за один гектар орошаемой пашни взимается 1400 рублей. В совхозе «Москва» Хатлонской области арендатор за 0,5 гектара богарных земель, взятых им для выращивания бахчевых культур, поставяет хозяйству 7,5 тонны арбузов.

Основным показателем для определения размера арендной платы может служить расчетная прибыль, получаемая в хозяйстве с гектара земли, пруда, головы животных и т. д. Прибыль исчисляется как разница между выручкой от реализации продукции и нормативными затратами на ее производство.

Выручка от реализации продукции рассчитывается с учетом сложившейся в конкретном хозяйстве урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных. В вышеприведенных примерах как раз и использован такой подход.

Ставки арендной платы должны учитывать плодородие и местоположение земельных уча-

стков, продуктивные качества животных, стимулировать арендаторов к лучшему использованию сельскохозяйственных угодий, других средств производства.

Если арендная плата производится натурой, то ее размер определяется по такому же принципу, как и в денежной форме.

Арендная плата за технику, оборудование, здания, сооружения рассчитывается по нормам, с которыми можно познакомиться в бухгалтерии любого предприятия.

Стоимость техники, производственных по-

строек, оборудования и т. п. определяется по балансовой или остаточной стоимости (то есть с уменьшением их первоначальной стоимости в связи с износом).

При определении расчетной прибыли арендатора учитываются все его затраты, включая социальное страхование, оплату отпусков, страховые платежи и накладные расходы. Если они в арендную плату по договору не входят, то арендатор за счет своих средств производит дополнительные отчисления, чтобы обеспечить себе право на получение отпускных, пособий по временной нетрудоспособности и т. д. Возможно и другое решение: все эти расходы включаются в арендную плату и производятся хозяйством за счет арендных платежей.

Характерен такой пример. Семья арендует в совхозе участок пашни для выращивания картофеля. В соответствии с порядком определения расчетной прибыли взяли в размере 150 центнеров. Выручка от

реализации продукции по государственным закупочным ценам, которые установлены в данном районе в размере 10 рублей за центнер, составит 1500 рублей. Затраты на выращивание одного гектара определяются в 1200 рублей из них 150 рублей приходится на социальное страхование, оплату отпусков, накладные расходы и страховые платежи, а 1050 рублей — прямые затраты арендатора на выращивание и уборку картофеля.

Арендная плата, если ее определять, исходя из полной суммы затрат 1200 рублей, составит $1500 - 1200 = 300$ рублей. В этом случае арендаторы, кроме арендной платы, должны возмещать хозяйству все перечисленные расходы, которые составили 150 рублей.

Если арендаторы сочтут для себя более удобным, чтобы расходы на социальное страхование, оплату отпусков, накладные расходы и страховые платежи сразу включались в арендную плату, она в этом случае составит $300 + 150 = 450$ рублей*.

Часто, к сожалению, случается так, что именно размер арендной платы становится главным препятствием для тех, кто хотел бы стать арендатором. И вот пример. Полгода продолжался спор в колхозе «Октябрь» Ростовской области. Председатель отдавая в аренду участок земли под подсолнечник, доказывал, что средний урожай там не менее 21 центнера с гектара. Эта цифра определяла арендную плату. Арендаторы не соглашались: они знали, что средняя урожайность лишь 17 центнеров. Спор завершился в пользу арендаторов, но ведь полгода потеряно! И кто знает, чем обернулась бы завышенная арендная плата для земледельцев, решивших работать по-новому...

Для повышения заин-

* Примеры взяты из журнала «Земля сибирская, дальневосточная».

тересованности арендаторов в использовании малопродуктивных или выведенных из хозяйственного оборота земель, неиспользуемых или нерентабельных животноводческих ферм хозяйство может сдавать их в аренду на льготных условиях, уменьшать арендную плату или вообще не взимать ее в течение периода, необходимого для налаживания эффективного производства.

Из выручки от реализованной продукции арендаторы вносят арендную плату, погашают кредиты, рассчитываются за использованные материальные ресурсы и услуги, производят другие отчисления и платежи, предусмотренные договорным обязательством. Оставшаяся сумма представляет собой хозрасчетный **ДОХОД АРЕНДАТОРОВ**. Он является

Потери от стихийных бедствий или иных неблагоприятных условий арендатору возмещаются за счет страховых платежей, полученных хозяйством, а также за счет собственного резервного фонда.

Если невыполнение обязательства арендатором привело к недобору урожая, снижению продуктивности животных или качества продукции, увеличению затрат и т. п., то он должен возместить причиненный ущерб.

Арендатор, не выполнивший в полном объеме своих обязательств, уплачивает неустойку и возмещает ущерб, причиненный арендодателю.

В случае несоблюдения договорных обязательств арендатор и арендодатель имеют право в одностороннем порядке расторгнуть договор, как правило, после завершения сельскохозяйственного года, предварительно уведомив об этом другую сторону не менее чем за два месяца.

Возникшие разногласия разрешаются на взаимоприемлемой основе. В случае отсутствия согласия споры между сторонами рассматриваются в судебном порядке.

Теперь, надеемся, у начинающих арендаторов есть информация к размышлению. Договор подписать недолго, а вот подумать над ним, сопоставить возможный доход с арендной платой — на это не стоит жалеть времени.

Валентин СЕРГЕЕВ

Рис. Д. БАРАБ-ТАРЛЕ.

их полной собственностью, и никто не вправе указывать, как его распределить. Арендаторы, кроме распределения дохода между членами коллектива, по своей инициативе могут создать из него фонды развития производства, социального развития и резервный фонд. Они могут приобретать на правах групповой или личной собственности тракторы, сельскохозяйственные машины, автомобили, оборудование, производственные и бытовые постройки.

Свои денежные средства арендаторы хранят на лицевом счете в бухгалтерии хозяйства, в финансово-расчетном центре агрокомбината (объединения) или на своем расчетном счете в учреждении банка.

А В КОЛОДЦЕ ВОДЫ НА ДОНЫШКЕ...

Сельский сход голосует против.

— Еще бабушку мою дед покойный ругал: вы всю Дорку вычерпаете на свои грядки, пожалели бы речку!

Слова эти Татьяна Густинова слышала в детстве, когда ребяташки устраивали на Дорке гонки в корытах. Русло маленькой, но живой речки было, как положено, извилистым, в воде плавала рыба, а в зарослях водилась ондатра. Сегодня воду из Дорки, даже на поливку, брать не рекомендуется, русло за деревней спрямили, и стала Дорка обыкновенной канавой, несущей отраву.

Мы шли вдоль бывшей речки с членами «общества зеленых», как их здесь прозвали, Татьяной Густиновой и Владимиром Кутикиным. В этот день их инициативную группу наконец-то признали в Новохаритоновском сельсовете официально.

По дороге мне рассказали, что здесь было, и не в прабабушкины времена, а совсем недавно, до того, как Мособлисполкомом и Раменским горисполкомом были приняты решения об отводе земли под новые садовые участки. Нет, не против садоводства выступала инициативная группа — против хищнического отношения к родной природе. На сегодня уже вырублено около 30 гектаров леса. Если двинутся дальше, пересохнет лесное болото, умрет ручей Зеленок, и Дорке не останется ничего, как превратиться в тоненькую ниточку.

В феврале Валентина Гладинова, инженер завода «Электроизолятор» и жительница деревни Турыгино, поехала в лес покататься на лыжах и ахнула — на месте белоствольных берез торчали пеньки. Мало того, что все деревни и поселки Гжели окружены дачными участками, — сводят на нет последний лес!

Валентина стала названивать в сельский Совет: кто рубит деревья, по какому праву? Вздох рассказывала на заводе, что творится в лесу, ее

беспокойство разделили да так активно, что вскоре родилась инициативная группа, к ней присоединились местные ветераны, а следом поднялся и народ 10 деревень и поселка Электроизолятор.

Что это за деревни? Не на пригорках они стоят, в тиши лесов и полей, а лепятся друг к другу впритык. И так не только на территории Новохаритоновского сельсовета — во всей Гжельской зоне с ее 24 тысячами населения и 18 предприятиями.

А как живут гжельцы? Дома громоздятся друг на друга, на клочке земли настоящего хозяйства не заведешь. Ведь земли совхозом распаханы под калитку, последние лесные опушки застраиваются дачами — козе буквально негде травки пощипать. А коров отваживаются держать уже единицы. Прирожденные крестьяне цепляются за последнюю возможность прокормиться трудом своих рук. Они в большинстве своем работают на производстве, но живут на земле, где их деды и прадеды жили, и хотя вкладывают в нее свой труд.

Местные жители не имеют ничего против садоводов Москвы и Раменского, понимают тягу горожан к земле. Но самая простая бабушка соображает, что если уже сейчас в колодцах воды на донышке, то, осуши последние болота под участки, колодцы иссякнут. Что станут пить деревенские жители? Что вырастет на их участках? Но если москвич пойдет в магазин рядом с домом и купит картошки, гжельцу об этом мечтать не приходится: овощей в местные магазины не завозят. Про свой лес они говорят так:

— Было хоть где сделать вдох-выдох...

И беспокоятся за детей — вырастут и не увидят леса. Разумно ли решение ответственных инстанций?

Инициативная группа действовала. Наконец все в округе узнали, что принятым реше-

нием у региона отнимают 300 гектаров земли, на треть покрытой лесом. Сход представителей деревень Новохаритоновского сельского Совета, собравший 619 представителей, единогласно проголосовал против. Аналогичные решения были приняты на сходах деревень Гжельского и Карповского сельсоветов. И в конце концов народ — иначе не скажешь — добился, что строительство дач временно прекратили. Но надолго ли, навсегда ли? Накануне сдачи статьи в номер мы узнали, что за деревней Сидорово спилен лес...

Проблема Гжельской зоны — проблема всего Подмосковья, стоящая здесь наиболее остро в силу перенаселенности. Защищая луга, леса, реки Подмосковья, мы защищаем для жителей этих мест возможность крестьянствовать, свободно дышать и чувствовать себя на своей земле хозяином. Но вот ведь беда — при этом обижаем и горожан, рвущихся к зеленому островку в шесть соток тоже с благой целью — возделывать грядки, сажать яблони, приучать детей к земле, ходить в лес по грибы и ягоды.

Нет выхода? Но у совхоза «Гжельский», по признанию его директора, есть малопродуктивные пашни, которые можно отдать населению под сенокосы и выпасы или под те же дачные участки. И в этом перенаселенном краю, оказывается, есть пустоши, годные под садовые участки. Оказывается, необязательно было рубить березы и сосны вполобхвата.

Конечно, проще, чем семь раз отмерить, один раз провести карандашом по карте, и проблема садоводческих товариществ, поднятая на самом высоком уровне, будет решена — долгой ее с плеч! Только некомпетентность и безответственность мстят удвоенным и утроенным числом проблем, общественным недовольством.

...Мы стояли посреди искаленного леса, где долго еще не будут жить бобры и хлопать тяжелыми крыльями тетерева. Два месяца общественность боролась за этот лес.

— Пора сажать сосенки, — сказал Владимир Кутикин. — Вырастим новый лес, еще вся живность к нам вернется...

Татьяна ИВАНОВА

Взгляд с другой

«Семья» — так назвали первое совместное исследование журналы «Крестьянка» (СССР) и «Вумэнс дей» (США). Расходятся ли представления женщин обеих стран о счастливом супружестве или похожи? Что думают невесты и жены, живущие по разные стороны океана, о причинах разлада и успеха семьи? Нуждается ли семья в помощи общества или способна сама разобраться со своими проблемами? В одинаковых анкетах, опубликованных в обоих журналах, читательницам были предложены вопросы, посвященные семье.

дение, специалисты по проблемам брака, психологи и социологи проявили живейший интерес к итогам нашего первого совместного исследования. На пресс-конференциях «Крестьянке» и «Вумэнс дей» была задана масса вопросов, но один из них неизменно повторялся: «Подтверждает ли исследование ваши собственные представления о современных проблемах семьи или какие-то выводы оказались совершенно неожиданными?»

Что-то, естественно, подтвердилось, ведь оба журнала женские, а женское представление о счастье всегда связано с семьей, и почти любой разговор с читательницами так или иначе касается семьи. А что-то действительно удивило, озадачило или обрадовало. Что же?

С точкой зрения читательниц «Крестьянки» вы уже знакомы: из более чем 200 тысяч писем, полученных нашим журналом, мы взяли наугад 30 тысяч и выяснили, что думают городские и сельские женщины о причинах развода, об условиях счастливой супружества, об отношении общества к домашней работе, которую все привычно считают исключительно женской... В первом номере «Крестьянки» за нынешний год мы рассказали об итогах опроса своих читательниц.

А сегодня, как и обещали, расскажем о точке зрения на те же проблемы 30 тысяч американских женщин.

Для обмена результатами анкетирования представители «Крестьянки» и «Вумэнс дей» встретились в Нью-Йорке. Американская пресса, радио и телеви-

Прежде чем ответить, заметим, что большинство ответивших на анкету американских и советских читательниц — работающие женщины. Замужние. С детьми. То есть этим женщинам приходится совмещать обе роли — профессиональную и хозяйки дома, что, конечно, нелегко. Каковы их претензии к обществу? Среди вопросов анкеты был такой: **ценит ли общество ваш домашний труд?** 38% читательниц-американок ответили категорически: **нет!** 50% выразились мягче: **недостаточно.** Напомним, что советские читательницы — те, кто живет в городе, считают: **нет, не ценит.**

И тем не менее, отвечая на вопрос, **кто ответственный за успех семьи** (оба, жена, муж или общество), 92% американок выбирают ответ: **оба.** Советские читатель-

Стороны океана

ницы с ними согласны (85%)!

6% американок полагают, что в семейном союзе у жены роль главнее. Лишь 1% возлагает ответственность за счастье семьи на общество. Столь же немногие (1%) считают, что все зависит от мужа. И здесь мы похожи: мужа и общество в качестве «ответчика» за успех семьи называют почти равное число советских женщин (соответственно 3,7% и 3%).

Радует ли нас эта общность взглядов? Да, пожалуй. Хотя проблемы семьи и переместились в центр общественного внимания, и тревожат общество, женщины утверждают, что в браке, в этом союзе двоих, нужно полагаться друг на друга, вдвоем строить семейный дом, беречь его тепло.

А если так, то что же, с точки зрения американских женщин, является основой счастливого брака? Дружба, отвечают 52% американок. Советские читательницы (54,7%) — любовь!

Ждали ли мы других ответов? Журнал «Вумэнс дей» предположил, что дружбу как основу брака выбрали женщины немолодые, в семьях с многолетним стажем, со взрослыми детьми и внуками. Оказалось: нет, молодые тоже так считают. Но, может, среди советских читательниц именно молодые женщины, те, чьи сердца еще не очерствели в повседневности, чьи мужья тоже молоды и нежны, те, кто не утратил иллюзий и ни в чем не разочаровался, утверждают, что любовь и только любовь способна быть залогом семейного счастья? Тоже нет! «Крестьянка» посмотрела, кто выбрал этот

ответ. Оказалось, самые разные женщины: и юные, и пожилые, и счастливые в семейном союзе, и разведенные.

Что же, спрашивали нас, советские женщины более романтичны? Согласимся: да. Да, любовь, как и век, как и два века назад, правит бал, остается главной жизненной ценностью советской женщины, ее мечтой и надеждой.

А что касается американок... Пожалуй, они более деловиты, потому и считают партнерство основой надежного семейного союза. И все-таки американки куда менее практичны, чем о них принято думать! Только 1% ответивших на анкету считает деньги наиболее серьезным условием счастливого брака.

Довольно распространено представление о том, что советские женщины, в силу разных причин, придают чрезвычайно мало значения роли секса в семейных отношениях. Но вот точка зрения американок: 2% (только!) из них называют секс главным условием счастливого брака. И 33% согласны с советскими читательницами: любовь, любовь освящает отношения, связывает людей пожизненно и счастливо.

А что же разлучает? В чем главные причины несчастья, отчуждения, охлаждения родных людей? Где искать корни беды, именуемой разводом? В анкете было предложено из полутора десятков причин развода выбрать три. Вот ответы американок: **некоммуникабельность** (отсутствие взаимопонимания) — 77%, **алкоголизм** — 43%, **финансовые затруднения** — 31%.

Открытием неприят-

ным, горьким для американских исследовательниц оказалась именно вторая причина: **алкоголизм**. О масштабах этой беды, похоже, американцы пока задумывались мало.

Напомним, что советские женщины назвали **алкоголизм первой, главной причиной развода**. Может быть, разница в том, что подобный ответ отнюдь не был неожиданным, наши читательницы его выстрадали, трезвый, реальный взгляд на страшные последствия алкоголизма у женщин есть. Другое дело, что опыта лечения этой опасной болезни нам явно не хватает. Да и притерпелись мы к ней.

Для нас открытием была такая причина развода, как **вмешательство родителей в семейную жизнь** (38,6% советских читательниц, только 9% американских).

Не открытие, но суждение, разрушающее стереотипное представление о том, что «дай женщине волю — и она...» Под «волей» понимают обычно высокий культурный уровень или высокий социальный статус женщины, ее самостоятельность и материальную независимость. За многозначительным «и она...» — убеждение, что такая жена забросит дом, будет невесть чего требовать от мужа, короче, погубит семейный союз. Так вот: советские читательницы в независимом положении женщины, в ее образованности вообще не видят угрозы для благополучия семьи. Американки? 1% (!) читательниц «Вумэнс дей» предполагает, что «более широкие культурные интересы жены» могут стать причиной раз-

вода.

Любопытные открытия ждут нас при сравнении ответов на вопросы о том, какими видят американские и советские женщины идеального мужа и жену. Анкета предлагала отметить три главных из 16 «идеальных» качеств. 73% читательниц «Вумэнс дей» полагают, что главное в муже — **общительность** (коммуникабельность), 72% — что он должен **эмоционально поддерживать жену**, 63% — **должен быть верным**. Напомним: для отвечавших на этот вопрос читательниц «Крестьянки» главным мужским достоинством стала **верность**. А как насчет общительности мужа? О, это требование (или желание) — у наших читательниц на 10-м месте. Правда, 7-е по счету место в таблице ответов советских женщин заняло такое качество, как способность мужа эмоционально поддерживать жену.

Что уж кажется совсем неважным для американок, так это требования к внешней привлекательности мужчин (2% отмечают это качество как необходимое). Советские женщины здесь построже — 9,4%. Зато почти совершенно сходятся те и другие в надежде, что мужья могут быть терпеливее: 19% — «Вумэнс дей», 19,7% — «Крестьянка».

Идеальную жену американки представляют так: **эмоционально поддерживает мужа** (80%), **верная** — 60%, **пробивная** — 30%. Читательницы «Крестьянки» такое качество, как «пробивная», ставят на 15-е место (2,1%). Но на 1-м — **хорошая хозяйка**, на 2-м — **женственная**, на 3-м — **верная**. Внешняя

привлекательность? Опять же советские читательницы это качество ценят повыше: 17% против 3% американских ответов. Терпеливая? Здесь те и другие почти сходятся: 24% — «Вумэнс дей», 20% — «Крестьянка».

И последняя неожиданность. Не решаясь спрашивать своих читательниц в лоб, счастливы они или нет, мы задавали вопрос-подвох, вопрос-ловушку: **хотите ли вы, чтобы дочь повторила ваш жизненный путь?** 65% американских читательниц и 64,8% советских ответили: нет.

Огорчила нас эта неожиданность? И да, и нет. Ведь любая мать, как бы удачно ни сложилась ее жизнь, мечтает, чтобы дочь была счастливее. Но, с другой стороны, стоит всерьез подумать, что же составит счастье твоей дочери.

Любовь?
Дети?
Карьера?
Доброжелательность окружающих людей?
Ласковый ее нрав?
Терпение мужа?
Или и то, и другое, и третье, и четвертое?..

От кого же зависит это первое, второе, третье, четвертое? От тех, кто отвечает за успех семьи. Поскольку подавляющее большинство советских и американских женщин считают, что за семью отвечают двое, «Крестьянка» и «Вумэнс дей» решили обратиться с одинаковыми анкетами к мужьям, отцам, сыновьям. Выслушав женщин, выслушаем и мужчин. По одну и по другую сторону океана.

Анкета будет опубликована в одном из ближайших номеров.
Анастасия КУПРИЯНОВА

По многочисленным просьбам читателей мы начинаем публиковать беседы об астрологии. Ведет их доктор химических наук, лауреат Государственной премии СССР Феликс Казимирович ВЕЛИЧКО.

«...Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!» (Пророчество Воланда из «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова).

В последнее время слово «астрология» все чаще мелькает в повседневных разговорах, в программах телевидения, на страницах газет и журналов. На Западе астрологические знания широко распространены и оказывают существенное влияние на общественную жизнь и даже на политику. У нас, к сожалению, мало кто представляет себе, что такое астрология, чем занимается и может ли быть полезной в каждойдневной жизни.

Расхожее представление о том, что звезды управляют судьбой человека, неверно в корне. Поэтому начнем именно с определения: АСТРОЛОГИЯ — НАУКА, ИЗУЧАЮЩАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ РИТМОВ ЧЕЛОВЕКА И КОСМОСА И ВЫЯСНЯЮЩАЯ ЗАКОНЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ВНУТРЕННИХ РИТМОВ ЧЕЛОВЕКА И ВНЕШНИХ РИТМОВ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА.

Главный объект астрологии — человек со всей сложностью его развития, эмоцио-

АСТРОЛОГИЯ БЕЗ МИСТИКИ И ТАИН

нальных и физических проявлений. Основное положение астрологии: ритмы правят Вселенной, причем они либо взаимодействуют друг с другом, либо моделируются один другим. Это означает, что, взяв одну группу ритмов (в нашем случае ритмичное движение небесных тел) и опытным путем изучив их соотношение с другой группой — с ритмами человека, мы сможем по характеру планетных ритмов судить о протекании ритмов, определяющих поведение человека. Приведу упрощенный пример. Известно, что чувство гнева, раздражения связано с выделением в кровь адреналина (гормона надпочечников). Регулярно измеряя содержание адреналина в крови, можно убедиться в том, что это функция периодическая, связанная с суточным ритмом (то есть на языке астрологов — с видимым движением Солнца по небу). Но можно пойти и астрологическим путем. Функция движения планет тоже периодическая и тоже связана с Солнцем. Из математики известно, что две периодические функции, связанные одним и тем же параметром, могут быть выражены одна через другую. Следовательно, о развитии гневливости мы можем судить по планетной функции, не врываясь шприцем в организм человека. С точки зрения тематики безразлично, какую планету избрать для этой цели, но все культурное наследие человечества подсказывает нам, что на роль «гневливца» нужно выбрать Марс, а не, скажем, Венеру. Поскольку подавляющее большинство

функций нашего организма параметризовано по Солнцу или Луне (которая в конечном счете тоже параметризована по Солнцу), мы имеем полное право выражать ритмы организма через планетные ритмы, что и делает астрология. Это общеизвестный и широко используемый в технике принцип моделирования, позволяющий, например, рассчитывать параметры плотин по электрическим схемам. И если с помощью электро моделирования можно сказать, что будет с плотиной после нескольких лет ее работы, почему с помощью астромоделирования нельзя попытаться предсказать, как будет развиваться жизнь человека (а в нашем конкретном случае, как будет развиваться ситуация, когда некто попадет вам «под горячую руку»)?

Астрологи отдают себе полный отчет в том, что ритмы человека очень сложны и никогда не ограничиваются функцией только одной планеты. Так, анализируя раздражительность, они рассматривают не только Марс, но и Луну, и Уран, и Солнце. Таким образом, астрология использует движение Солнца, Луны и планет для моделирования биоритмов. Биоритмы порождают эмоции, из эмоций вытекают поступки, а из поступков состоит вся жизнь...

Для изучения ритмических функций нужны, во-первых, часы, а во-вторых, выбор точки отсчета, начала функции. Мы отмеряем ритмы нашей жизни по наручным часам. Именно они помогают нам управляться со множеством встречных и поперечных пла-

нов, утрясать повседневные проблемы. Для астролога Звездное небо — это огромный циферблат, 12 знаков зодиака — 12 цифр на этом циферблате, а планеты, Солнце и Луна — стрелки, отсчитывающие космические ритмы. Человек, живущий не в ладах с наручными часами, обрекает себя на неприятности — опаздывает на работу, делает что-то не вовремя и кое-как. Человек, не обращающий внимания на «космические часы», СОЗДАЕТ СЕБЕ САМ (звезды здесь ни при чем) стрессовые ситуации, делает свою жизнь негармоничной. Астрология учит правильно считывать показания стрелок «космических часов» и строить свою жизнь в гармонии внутренних и внешних ритмов.

Теперь о точке отсчета. Астролог начинает отсчет ритмов с момента рождения человека и вот почему. Пока человек не родился, его биоритмы согласуются с ритмами матери (управляются ими) и внешние влияния доходят до него только косвенно. В момент рождения большинство биоритмов младенца перестраивается в соответствии с внешними условиями; ряд ритмов (дыхание, пищеварение) включается именно в этот момент. Космос властно заявляет о своем существовании, а расположение планет в первую минуту после рождения как бы засекает точки космических ритмов на данный момент. Астролог получает карту соответствия внешних и внутренних ритмов новорожденного. Она-то и называется гороскопом, а правильно — генитурой, или натальной картой. Это исходный пункт дальнейшего моделирования и прогнозирования.

В любой науке есть некие основополагающие принципы — постулаты — недоказуемые (или пока еще не доказанные), подтверждающиеся всем опытом человечества. В геометрии Евклида, например, это постулат о том, что две параллельные прямые никогда не пересекаются. Есть такой постулат и в астрологии. Он гласит, что

(Окончание на стр. 21.)

Астрология без мистики и тайн

(Окончание.
Начало на стр. 20.)

натальная карта как бы навечно запечатляется в организме человека (как и где, неизвестно, полагают, что в генетическом коде, но мы с вами договоримся всегда честно признаваться: чего не знаем, того не знаем). В своем ритмичном движении планеты (кроме самых далеких) за жизнь человека не раз проходят через точки, которые они занимают в натальной карте, и каждый раз соответствующая функция мощно проявляется в жизни человека; планеты как бы щелчком замыкают некий контакт, нажимают на спусковой крючок, за чем следует выстрел — активизация или подавление соответствующих биоритмов, изменение эмоционального и физического состояния человека, очень часто влекущее за собой существенную перемену в его жизни. Случаются, конечно, осечки и холостые выстрелы. Иногда, как в ракетной атаке, заряд достигает цели не сразу, с задержкой. Все это осложняет работу астролога, ведь он не может поставить эксперимент и набирает свой опыт анализом многих и многих случаев. Сорок два раза нажимало Солнце на гашетку неудачного расположения Марса, Сатурна и Плутона в натальной карте В. Высоцкого, и все обошлось, а вот на сорок третий не обошлось... Знай он свой гороскоп, может, поостерегся бы в этот период, «подстелил сломку» и поныне радовал бы нас своими песнями...

Вот вкратце сущность астрологии. Нет в ней ни мистики, ни тайн — такая же наука, как и все другие. Только вот разве что за 4 тысячи лет своего развития * слишком далеко вперед вырвалась астрология по сравнению с уровнем других наук, потому и представляется «ложным учением». Вспом-

* А может быть, и больше. Древнейшие китайские астрологические таблицы датируются 4-м тысячелетием до нашей эры. Старейшему индийскому учебнику астрологии — 4 тысячи лет. А в глиняных табличках вавилонского царя Саргона I (2400 лет до н. э.) содержится уже развитая система астрологии. Ни одна другая наука не может похвастаться столь древним происхождением.

ните-ка, давно ли вы услышали слова «биоритмика», «ритмы космоса», а вот гармония небесных сфер сидит в сознании астрологов со времен Пифагора (он тоже, кстати, «баловался» астрологией). В самом деле, не стали бы заниматься ерундой такие корифеи мысли, как Птолемей, Кеплер, Бэкон, Ньютон. А они астрологией увлекались не один год и внесли в нее существенную лепту, о которой стыдливо умалчивается в большинстве ученых трактатов, им посвященных. С уважением отзывался об астрологии А. Эйнштейн. Выдающемуся русскому ученому А. Л. Чижевскому, основателю гелиобиологии, науки о земном эхе солнечных бурь, всю жизнь пришлось отбиваться от обвинений в протаскивании астрологии (синонима «мракобесия» вплоть до последних лет) в «серьезную» науку. Сейчас связь периодичности различных нападений (эпидемий, неурожаев) с периодичностью солнечной активности уже никем не отрицается, А. Л. Чижевский — признанный основоположник космобиологии, но чего ему стоило доказать свою правоту!

Наука не раз черпала кое-что из астрологии, смущаясь упомянуть источник. Астрономические достижения Кеплера (открытие эллиптичности орбит и соотношения их расстояний) были частью огромной астрологической работы

по открытию «музыки сфер», поняв которую, он надеялся увязать небесную гармонию с гармонией личности и тем даровать счастье человечеству. Сферические тригонометрические функции были разработаны, исходя из потребностей астрологии. Недавно зародившаяся селенобиология (наука о влиянии Луны на живые организмы) пока что повторяет азы огромного опыта астрологии в этой области. Кстати, о Луне. Не кажется ли вам странным, что именно на страницах женского журнала мы начинаем серьезный разговор об астрологии? С астрологической точки зрения несколько не странно! Женщина, у которой особенно сильно выражены лунные ритмы, считается олицетворением восприимчивости, всего животворящего в природе, защиты всех нежных ростков от палящего Солнца мужского эгоизма. Она главный собиратель, хранитель и пользователь многовекового жизненного опыта, того самого, что копит астрология. Женщины в большей степени, чем мужчины, подготовлены к восприимчивости астрологии. Может быть, поэтому так много женщин среди выдающихся астрологов!

Возможности астрологии далеко не безграничны. Немало было у астрологов ложных предсказаний (но странная вещь: когда врач ошибается в диагнозе, никто не говорит,

что медицина никуда не годится, винят врача; когда же ошибается астролог, честят на все корки астрологии!). Особенно не везло астрологам с предсказаниями «конца света», которых начиная с 1186 года было сделано более 30. Последние из неоправдавшихся дат — 1949 и 1962 годы. На очереди 1999 и 2004-й... Следует прямо сказать, что роль прорицательницы еще не освоена астрологией. Ее метод не позволяет пока предсказывать точно не только дату, но и содержание события. Астрология намечает правильно тенденции, оценивает вероятность и характер грядущих перемен. Хотя есть примеры удивительно точных попаданий. Астрологию следует использовать там, где она особенно сильна — в изучении характера людей, путей достижения гармонии и счастья в жизни, выявлении и использовании периодов подъема и спада биологической активности человека, животных и растений.

В заключение осталось обрисовать круг задач, в решении которых может помочь астрология читателям «Крестьянки».

● Многовековой опыт наблюдений над зарождением и развитием всего живого, накопленный астрологией, поможет вам рационально использовать биоритмы растений на вашем приусадебном участке, получить хороший урожай, собрать и сохранить его, спланировать посадки на будущий год. Об этом пойдет речь в беседе «Астрология на приусадебном участке», «Луна и жизнь растений».

● Рисуя объективную картину личности, астрология поможет вам понять себя и своих близких, научит обходить рифы совместной жизни. Об этом читайте в беседе «Двенадцать характеров зодиака — как найти дорожку к сердцу каждого из них».

● Астрология способна помочь родителям лучше узнать своего ребенка, подсказать пути развития его хороших качеств, обратить ваше внимание на слабые стороны его характера. На эту тему планируется материал «Астрология — родителям».

● В повседневной жизни астрология поможет вам выявить тенденции ближайшего будущего и соответственно спланировать свои действия. Этой цели будут служить ежемесячные публикации прогнозов (начиная с нынешнего номера) под рубрикой «Что показывают космические часы?».

ЧТО ПОКАЗЫВАЮТ КОСМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ?

Внимание! Не ждите от астрологического прогноза чудес. Он намечает только тенденции, но не конкретизирует события. Понятия «благоприятный» и «неблагоприятный» относятся к вашему эмоциональному состоянию. Вы можете добиться успеха и в «неблагоприятный» период, но ценой большого нервного напряжения.

Начинать новое, важное дело лучше на растущей Луне (от новолуния до полнолуния), подтягивать «хвосты» и завершать начатое удобнее при убывающей Луне — от полнолуния до новолуния. Часто «везет», когда Луна находится в восходящем узле. При Луне в перигее (то есть когда она ближе всего к Земле) нужно быть особенно осторожным на транспорте, при различных переездах.

Цифры в скобках означают даты для восточных районов (разница с московским временем 2 часа и более).

В конце месяца обязательно проверьте, насколько прогноз сходится с реальностью. Если совсем не сходится, посмотрите другие знаки, выберите себе наиболее подходящий и в будущем ориентируйтесь на него. Дело в том, что большинство людей — смешанные типы. Особенно это касается женщин, у которых лунный знак зачастую сильнее солнечного. Может оказаться, что «Дева» по Солнцу на самом деле — типичная «Львица» по Луне.

Тому, кто родился на границе знака (плюс-минус 2 дня), придется учитывать и соседний знак, например, родившемуся 19 апреля — прогнозы и для Овна, и для Тельца. Возможно, со временем вы остановитесь на том, что вам больше подходит.

ЛУНА В ИЮЛЕ: новолуние — 3, первая четверть — 11, полнолуние — 18 (19), последняя четверть — 25. Луна в нисходящем узле — 6, в восходящем узле — 20 (21). Луна в перигее — 23.

(См. страницу слева.)

Имя АННА библейского происхождения и означает

БЛАГОДАТЬ.

БЛАГОДАТЬ — по словарю В. Даля — наитие свыше; любовь, милость, благодеяние, благотворение; порода урожайной, многоколосной пшеницы.

Но сначала отступить для разбега, к тем, кто был верой и крепью Анны Андреевны Ахматовой. И так, двадцатитрехлетний молодой человек по имени Николай Гоголь как-то задумался: что же дал России его старший современник и наставник Александр Пушкин? Новый стих? Разумеется. Новую поэму? Ну, конечно же. Новый роман, новую повесть, новую драму? Да, да, да. Однако ясно же, через сто лет явятся еще более новые романы и драмы — и что же останется от Пушкина? Что вообще приносит с собою поэт и для чего он приходит? И в первом же абзаце своей замечательной статьи он отвечает и себе, и современникам, и потомкам — нам: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Вот — главное, неопалимое, все остальное не более чем детали величественной картины. И все же в картине этой была незаконченность. По закону парности должна была явиться женщина и своим словом, своей судьбой, своим умом и талантом, душой и сердцем закончить полотно. Она явилась через девяносто лет после рождения Пушкина, через полвека с небольшим после его гибели. Звали ее Анной Горенко (с ударением на первом слоге, от слова «горе»), псевдонимом взяла фамилию бабки, в жилах которой текла буйная кровь татарских княжен, — Ахматова, и в мир пришла поэтесса, равной которой не было со времен легендарной Сафо.

Стихи она начала писать в 11 лет, в 18 лет стала знаменитой, однако первые четыре ее книги вышли общим тиражом в 4300 экземпляров — курам на смех. Первая мировая, революция, гражданская — казалось, она безнадежно осталась там, в «той жизни», где сероглазые короли, царскосельские аллеи и где в любовном смятении путают перчатки, — не стало ни королей, ни аллей, ни перчаток. Она писала — ее почти не печатали, потом совсем перестали печатать, потом она уже не записывала стихи, а выучивала их, не доверяя бумаге, но они жили, как здоровые клетки в раковом теле псевдопоэзии, и вышли на свет, и победили. Ее и сейчас еще не изучают в школе, и это наша беда, не ее; в год Ахматовой можно купить календарь с ее портретом, но не сборник стихов, и это уже не беда, а позор. Впрочем, Анна Андреевна написала в воспоминаниях о своем друге Осипе Мандельштаме: «Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?» Так что, были бы стихи, а читатели найдутся. (Молодых вот только жалко, их обкрадывают, а мы свидетели, значит, и соучастники.)

В конечном счете побеждает тот, кого чита-

Рис. Ю. АННЕНКОВА.

Я научила женщин говорить...

ет народ. Надо быть голосом народным, чтобы остаться. Завершая свой потаенный, жестокий, колокольный, гениальный «Реквием», она писала в 1961-м:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью был.*

А в «Автобиографии», написанной незадолго до смерти, последние строки такие: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

«К несчастью»... «Была счастлива»... Как соединить? Как понять? Да и можно ли соединить и понять? Может, лукавила, когда на закате жизни вернулись к ней и слава, пусть

в мизерных, недостойных ее долях, и признание, еще обкромсанное и придушенное? Никогда не лукавила, даже когда речь шла о жизни самых близких — мужа и сына, а уж за какую-то славу — так ей и вовсе было бы смешно. Когда, по ее мнению, Борис Пастернак слишком уж увлекся мирскими соблазнами, она сказала:

*Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.*

Однако ж есть противоречие, никуда не деть его. Она же и объяснила его еще в далеком 1915-м:

*Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одну песней больше будет...*

Горечь и боль перековывала в стихи — и тем преодолевала и горечь и боль. До нее

этим путем шли Пушкин и Тютчев. Но до Пушкина и Тютчева так же поступали безвестные народные гении, создававшие песни, храмы, игрушки. И не есть ли искусство вообще преодолением, а значит, и способом жить? Она рано — сразу — ступила на этот путь, и никто до конца не разберется в том, на каком перекрестке встречается поэт с этим дивным, загадочным умением переплавлять горе в радость, суроветь, но не отчаиваться, сжимать зубы, но не ломаться.

**Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда...**

Другое дело, что сор этот еще называется жизнью.

Нетрудно понять отчаяние, даже бешенство ее первого мужа — знаменитого тогда и ныне поэта Николая Гумилева, — когда он прочитал ее стихи: «Муж хлестал меня узорчатым, Вдвое сложенным ремнем...» Он хватался за голову и жаловался своей ученице: «Ведь я, подумайте, из-за этих строк прослыл садистом. Про меня пустили слух, что я, надев фрак (а у меня и фрака тогда еще не было) и цилиндр (цилиндр у меня, правда, был), хлещу узорчатым, вдвое сложенным ремнем не только свою жену — Ахматову, но и своих поклонниц, предварительно раздев их догола... Я старался убедить ее, что таких выдумок нельзя печатать, что это неприлично — дурной вкус и дурной тон. Ведь читатели все принимают за правду и создают биографию поэта по его стихам... Но я ничего не мог поделать с ее украинским упрямством».

И все же, несмотря на всю его логику, она, Анна Андреевна, была права, а не он. Если и был в ее жизни период сравнительно обеспеченный, с любовью, домом, ребенком, если и было все то, что называется бабьим счастьем, то все это было в долгом романе и недолгом замужестве с Гумилевым. Но... «Теперь я знаю, я был во многом виноват. Я очень скоро стал изменять ей. Но я не видел греха в моих изменах. Они, по-моему, прекрасно уживались с моей бессмертной любовью. А она требовала абсолютной верности. От меня. И от себя... И страшно сердилась, что я смеюсь. Смеюсь, значит, разлюбил...» Абсолютная верность, и прежде всего от себя — да у нее устои были от Ярославны и боярыни Морозовой, а ее называли декаденткой... Изменой пах воздух, и не ревность бушевала в крови, а чувство, что тебя предали. Так что — как же не появиться таким стихам:

**Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.**

**Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.**

**Для тебя я долю ммурую,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?**

**Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный, душистый хмель,**

**А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.**

Вот из такого сора рождаются стихи. Осенью 1911-го написано, ей двадцать два, и ни с чем смириться не хочет, но, заметьте, не требует ни от кого того, чего не требует от себя сама. Дальше будет по-иному: многое, очень многое будет прощать другим, и ничего, никогда — себе. Но если все же подступала, как тошнота, слабость, напоминала себе:

**Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.**

**Я говорю: «Твое несую я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет...**

Вот так. Без всякой надежды на послабление. Совесть, не укрощаемая временем, не подавляемая пространством, — да можно ли так жить изо дня в день? Можно. Жила.

Была она очень высокая (долгая, сказал бы Бунин), горбоносая, со знаменитой челкой на глаза, очень худая в молодые годы, тучная в последние, но и в весну свою, и в осень была статна, пряма, а в старости так уже просто державна. «Королевой-бродягой» назвал ее писатель Юрий Герман, и все королевское было от ее духа, потому что эта королева была не просто бродягой, а нищей бродяжкой. В 1945-м пришла к ней 17-летняя девочка-поэтесса; набралась дерзости, как воздуха перед прыжком, и бросилась в знакомство с живой легендой. «Жила Ахматова тогда — даже не скажешь: бедно. Бедность — это мало чего-то, у нее же не было ничего. В пустой комнате стояло небольшое старое бюро и железная кровать, покрытая плохим одеялом. Видно было, что кровать жесткая, одеяло холодное. Готовность любить, с которой я переступила этот порог, смешалась у меня с безумной тоской, с ощущением близости катастрофы...» Через год, после известного ждановского постановления, Анна Андреевна была лишена продовольственных карточек, попросту обречена. Спасли друзья. Их было немного, но они были всегда. То, что ей приносили, она никогда не считала милостыней. Потому что, когда кому-то было плохо, она брала очередной портрет работы Модильяни (их было много, около двадцати; остался один), продавала и спешила на помощь. Какие строки накапливает душа в такой обстановке?

Вот стихи 1945-го:

**И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву поглядит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.**

И 1946-го:

НАЯВУ

**И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,**

**И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.**

А когда прочь пространство и время — что же остается? Но мы же знаем: совесть, неукротимая и бесстрашная, делающая человека бессмертным.

Так вот, о ее бедности. Нет ни одного воспоминания, где бы не говорилось о ней. С нее, с бедности, как правило, и начинаются описания. Но тут же голос воспоминателя как бы виновато и пресекается: да не может же королева быть нищей. Что-то одно. «Анна Андреевна, если бы я стала богатой, сколько времени я получала бы от этого удовольствие?» «Недолго. Дней десять».

Она выбрала себе такую жизнь; мало того, построила ее, и то, что многим, да всем почти, казалось мраком нищеты, — было свободой: «Поэт, — говорила она, — это тот, кому ничего нельзя дать и у кого ничего нельзя отнять». И значит, всегда надо быть налегке. Когда ее спрашивали, куда же подевался прекрасный слабый пол, она отвечала: «А слабые все погибли. Выжили только крепкие». И значит, надо было быть сильной. Она советовала: «Сердце умирят правильным дыханьем, а черные мысли верой в друзей». И значит, надо было выбирать таких друзей, кому можно было пропеть стихи чуть ли не в ухо и верить, что они запомнятся и не пропадут. Это была самая свободная женщина в русской истории, да и только ли в русской... И самая мужественная. Помните, некрасовское: коня на скаку остановит, в горящую избу войдет? Да она десятилетиями не входила, а жила в подожженном доме и среди дыма и падающих балок с державной улыбкой говорила:

**Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле...**

Каково?! Даже глагол, видите ли, ей лень говорить, ни к чему, и так понятно.

Она не была красавицей, просто она была неотразимой. Не знала, что такое суэта и мельтешение, мелькающих, пылающих людей бежала, и в женщинах не терпела этого, и в какую-то злую и веселую минуту выплеснулось:

**Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, боже, как их замолчать заставить!**

Все же не для посмеяния написана эта, чуть ли не единственная у Анны Андреевны, эпиграмма. «Я научила женщин говорить» — вот для этого и явилась она в мир и выполнила сполна свой долг.

Пятьдесят лет подряд ее упрекали в том, что она «замкнулась в камерном мире интимной лирики». Она уже перестала огорчаться, уже веселилась: «Вышла «История литературы», издание Академии наук, 1954. Там про меня говорится, что я мещанская поэтесса...» Обвиняли поэта в том, что он пишет о любви. Да разве хоть один поэт написал хоть одну строчку не о любви?! Разве это не единственная и ничем не заменимая его судьба на земле? Они, критики, были всеисильны и всевластны. Они ломали таких мужиков! И ничего, ничего не смогли сделать с этой королевой-

бродяжкой. Она учила женщин быть достойными любви, быть равными в любви, быть в любви щедрыми и жертвенными. И учила мужчин выслушивать не «влюбленный лепет», которым восхищались столько веков, а слова столь же жаркие, сколь и гордые:

*От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.*

И все. Две строчки. А нужно ли еще хоть слово?

«Интимный мирок»... Да кто же лучше Анны Андреевны написал о нелюбви, как о пропасти, болезни, опасности роковой, когда перестойшь лишку — погибнешь, сгинешь, да уж и не жалко ничего — ни себя (твое дело), ни других (общая беда).

*Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанье столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.*

*И от лениности или от скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.*

*Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.*

Уже шла первая мировая бойня, троны трещат, империи рушатся, а она, понимаешь, о нелюбви... Глупостью это казалось современникам, вызовом или бестолковостью, но ведь все ошиблись, кроме нее, пророчицы. Как услышала она отлет любви от земли и воцарение безлюбовной силы, которая не только солону ломит, но и жизни... Может, оторвалась от действительности, ничего не знала, замурованной жила? Все знала. Все видела. Все понимала.

*Можжевелика запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит...*

Это еще в июле 1914-го сказано, и тогда же она увидела и услышала:

*Стало солнце немилостью божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:*

*«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил...»*

Но кто же поверит в наше-то время в дар прорицанья? В любовь-нелюбовь? В эпоху классовых битв любовь — не оружие, а значит, дело второстепенное. К оружию Анна Андреевна относилась плохо, однако именно она, «полумонахиня, полублудница», как называл ее Жданов, выступила в осажденном Ленинграде по Всесоюзному радио, и — уж решайте сами, было ли то, что она говорила, любовью или оружием:

— Мои дорогие согражданки, матери, жены и сестры Ленинграда! Вот уже больше месяца, как враг грозит нашему городу пленом, нано-

сит ему тяжелые раны. Городу Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Достоевского и Блока, городу великой культуры и труда враг грозит смертью и позором... Я, как и все вы сейчас, живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским. Эта вера крепнет во мне, когда я вижу ленинградских женщин, которые просто и мужественно защищают Ленинград и поддерживают его обычную, человеческую жизнь. Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина, стоявшая во время бомбежки на крыше с багром и щипцами в руках, чтобы защитить город от огня... Нет, город, возрадивший таких женщин, не может быть побежден...

И через несколько месяцев:

*Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки,—
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,—
Внуки, братики, сыновья!*

Если это не любовью написано, то чем?

Она говорила: «В моей жизни всего было по два: две войны, две разрухи, два голода, два постановления...» В конечном счете, это тоже был сор, но из него рождалось:

*А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать,
мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть*

*плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!*

*Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все!*

*Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь
идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми:
для славы мертвых нет.*

Написано в августе сорок второго; немцы прорвались к Волге...

Ответы на два вопроса показывают, как глубоко, как серьезно думала она о жизни, как не пестовала в себе ни жалости, ни оптимизма. Некий американский профессор все добивался от нее, что такое русский дух, она уклонялась от ответа, пока профессор не прибегнул к имени Достоевского, мол, Федор Достоевский ответил бы. «Достоевский знал много, но не все,— ответила Анна Андреевна.— Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем, что можно убить пятьдесят, сто человек — и вечером пойти в театр». Другой вопрос задал англичанин: «Думаете ли вы, что после революции люди стали счастливее?» «Я не очень компетентна в том, что касается счастья, об этом надо еще кого-нибудь спросить. Но одно знаю: у нас люди теперь научились гораздо больше помогать друг другу, чем прежде». Это знала по себе.

Время и стихи Ахматовой не могли не встретиться, как бы им ни мешали. Потому что она всегда писала и думала о главном. Всего четыре строки, еще военного времени:

*Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.*

Господи, как же это часто бывает! Когда мы намеренно, боясь столкнуться с главным, начинаем заниматься проблемами раскаявшихся проституток и предателей, чтобы только не столкнуться душой с подлинным и великим горем: потерей Человека.

А когда у нее самой началось легкое и кратковременное головокружение от еще неофициальной, но шумной славы, она быстро напарывалась на «ахматовское» лезвие в своей подруге — а льстици среди них не было ни одной — и тут же приходила в себя. Вот о каком разговоре Ахматовой с актрисой Раневской рассказал один из учеников Анны Андреевны: «Шведы требуют для меня Нобелевку,— сказала она Раневской и достала из сумочки газетную вырезку.— Вот, в Стокгольме напечатали». «Стокгольм,— произнесла Раневская.— Как провинциально!» Ахматова засмеялась: «Могу показать то же самое из Парижа, если вам больше нравится». «Париж, Нью-Йорк,— продолжала та печально.— Все, все провинция». «Что же не провинция, Фаина?» — тон вопроса был насмешливый: она насмеялась и над Парижем, и над серьезностью собеседницы. «Провинциально все,— отозвалась Раневская, не поддаваясь приглашению пошутить.— Все провинциально, кроме Библии».

Это был ответ, достойный Ахматовой, Анна Андреевна оценила. Она была верующей, и сейчас начинают говорить о том, что вера была ее спасением, ее якорем. Когда бы так. Когда бы она не написала еще в 1934-м:

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

*Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью,—
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод члзз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что бог не спас.*

Когда она говорила, что никто ничего у поэта отнять не может, она знала, о чем говорила. Кто мог отнять у нее Россию, Пушкина, немногочисленных друзей живых и уже бесчисленных ушедших, кто мог отнять у нее поэзию и то, что для нее было нерушимым? А нерушимой прежде всего была верность. В те годы, когда отрекались от живых мужей, она говорила о Гумилеве, имя которого до совсем недавнего времени вплотную связывалось с контрреволюцией: «Писал прекрасные стихи, храбро воевал и погиб бесстрашно». А что бы промолчать... Ведь и разведена была и за язык никто не тянул... Когда Манделштам был в прокаженных, она поехала к нему в ссылку в Воронеж, продав очередной модильяниевский портрет. Будто искала на свою голову приключений. Да разве она хоть на секунду об этом задумывалась: о том, что будет, что может быть? Просто друг был в беде, поэт был в ничтожестве. А она могла помочь. Значит, должна. И только между прочим, вскользь, говорила: «Добро делать очень трудно; зло делать просто, а добро очень трудно».

...С изумлением видел государственный Петербург толпы людей, пришедших проститься с прахом Пушкина. Мужики, бабы, разумеется, неграмотные. Откуда ж они знали, что убит их поэт? Знали, хотя и неграмотными были. Видно, для настоящей поэзии и бумага желатель-

на, но не необходима, и без грамоты, в случае чего, можно... Анне Андреевне перевалило за семьдесят пять, все чаще проводила она дни и месяцы в больницах, в обычных, разумеется, палатах, которые не пугали ее, наоборот, радовали: есть с кем поговорить. С изумлением убеждалась, что так называемые простые люди знают ее. «Ты, говорят, хорошо стихи пишешь, — говорила санитарка, причесывая ее. — Даша, буфетчица, говорила». И в каждой больничке она становилась бабуей заступницей, утешницей, больные приходили, няньки, знакомые больных и нянек. «Скажите, будет когда-то ей, разлучнице, так же худо, как мне сейчас?» «Это я вам обещаю, тут можете не сомневаться». Вот они, эти бабы, в отличие от критиков уж точно знали, что эта старая, тучная, величавая, седая женщина и есть самая главная «специалистка по женской любви». Часто она говорила в утешение слова самые банальные — и самые необходимые: «Научно доказано, что мужчины — низшая раса». И привет. Бабы верили в нее как в ведунью. И не ошибались, хоть и не читали ее стихов. Читали бы, поверили б еще больше. Она ходила трудно, с палкой, приговаривая: «Стара собака стала», приближался конец.

*Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.*

Приезжая в Москву, Анна Андреевна оставалась в доме, где рос мальчик, ставший артистом и режиссером Алексеем Баталовым. Он и поставил распятие на ее могиле.

Еще в сорок пятом Анна Андреевна говорила той самой юной поэтессе, что невероятно увеличивается роль женщины в современном мире. Она была умна, и она была женщина; она знала, что когда в доме кончается драка, то хозяйки наводят порядок. Хозяйки жизни, которых научила говорить русский поэт Анна Андреевна Ахматова.

Эрнст МАРКИН

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

*И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
1922*

В заветных ладанках

не носим на груди,

*О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем,
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немощуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.*

1961

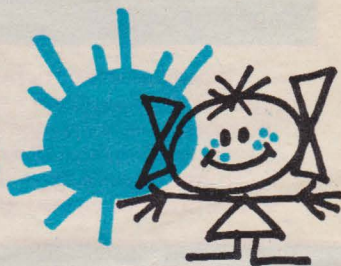
Ленинград.
Больница в Гавани

А. АХМАТОВА

Как идет строительство в Оношках нового детского сада, пришли посмотреть мамы и председатель колхоза «Новая жизнь» М. В. Соленик.

Что там, «Впереди паровоза»?

В Белоруссии, когда речь заходит о детских дошкольных учреждениях, Несвижский район характеризуется одним словом: «благополучный». Множества проблем, типичных для других регионов, здесь просто не существует.

В Несвижском районе на территории каждого хозяйства есть детский сад. Большинство сельских ребятшек, а точнее, семьдесят процентов, ходит здесь в детские дошкольные учреждения. (Для сравнения: тот же показатель по Белоруссии — сорок, по стране — тридцать семь процентов.) Садик на территории каждого хозяйства стационарный, где работают люди со специальным средним, а то и высшим образованием. Сезонных садов нет вообще за ненадобностью. Во время страды, когда родители в поле, лишь меняется расписание работы, да по выходным создаются дежурные группы. И ребята в детских садах не просто «содержатся» (спят, едят, играют, пока родители на работе) — с ними занимаются опытные педагоги, развивая их умственно, физически и нравственно. Пока в других регионах потихоньку раскочиваются, здесь уже два года все шестилетки становятся школьниками. По этому поводу воспитатели и педагоги шутят: «Мы, как всегда, впереди паровоза». Это не просто — быть впереди, зато идущим во след есть у кого учиться. Представьте себе: комнаты психологической

разгрузки... в детском садике! Специально оформленные, с ярко разрисованными стенами. Сюда ребята приходят не слишком часто — раз-два в неделю. Чтобы побыть в необычной, «нерабочей» обстановке, послушать телевизор, наконец, просто по-

глазеть по сторонам. И поглазеть есть на что — в саду экспериментальной базы «Ганусово», к примеру, они увидят на стенах и дуб заветный, и ката, что ходит по цепи кругом. А в садике совхоза «Свекловичный» для психологической разгрузки избран совсем простой (но

Промышленность предпочитает выпускать дорогие игрушки для «домашних детей». А вот разноцветные квадратики или кружочки, так необходимые для обучения ребятшек в детском саду, — редкость. И приходится воспитателям самим клеить, строгать, резать.

не менее эффективный) способ. Тамара Юльянова Ковалевская, заведующая, буквально одержима идеей создания «уголочков уединения». Это обычно небольшая комнатка при группе или даже отгороженный уголок. Устал малыш от бурной жизни в коллективе — отдохни, побудь наедине с собой. Воспитательница отведет в тихий уголок, даст игрушку, а то и сама присядет рядом, так, чтобы и группу увидеть, и быть с малышом вдвоем. Посидел он, отдохнул, и ему уже хочется к ребятам. Утомленность, нередкий предвестник каприза, прошла без следа. Подобные уголки есть и во дворе: просто зеленая лужайка, окруженная кустами или цветником. Тут и на травке поваляться не возбраняется, и за жучками-паучками можно понаблюдать.

Для многих молодых мам и пап садик становится своего рода неформальным родительским университетом. Хотя, что скрывать, не все идет гладко, в частности закаливание. Ну, хождение босиком по мокрому простыням (предупреждает простуду) или резиновым коврикам и дорожкам из камешков (предотвращает плоскостопие), а также ритмическая гимнастика и занятия спортом — все это охотно воспринимается родителями. А вот сон при открытых окнах (в любое время года) часто встречает протест мам. Особенно в младших группах. «Ой, вы только моего-то к самому окну не укладывайте». «А моя-то может простынку намочить, как же она мокренькая будет спать на холоде?» Да не будет она мокренькая. Уже не раз проверено, что дети на свежем воздухе засыпают так быстро и спят так крепко, что никаких домашних «дурных привычек» у них не проявляется. И болеют ребятки в детском саду куда реже, чем «домашние». В том же «Свекловичном» показатель забо-

леваемости — 0,7, то есть в течение года ребенок в среднем болеет менее одного дня. Что значит квалифицированные кадры! Несвижские воспитатели умеют и за здоровьем следить, и настроение поднимать. И, что не менее важно, многому научить. Обучение начинается, конечно же, с игры. Вот малыши старательно вставляют игрушечные грибочки в специальные отверстия на доске. Воткнул один грибок — значит, на доске грибков мало. Три грибка — значит, много. Так происходит знакомство с количеством. Воткнул грибок красный, а потом зеленый — значит, грибки на доске разного цвета. Так познается цвет...

Детский садик в колхозе имени Калинина. Помещение просторное, мебели, оборудования достаточно. На летучках в правлении любой вопрос, касающийся детей, решается сразу же. О деньгах и говорить нечего — колхоз на детях не экономит.

Но ведь дело не только в деньгах. Товары нужны. А товаров-то и не хватает. Мебели, инвентаря, спортивного оборудования. Даже мелочей. Возьмем, к примеру, те же грибки, о которых мы упоминали. Грибками они могут быть названы с очень большой натяжкой. На самом деле это просто пробки от шампанского. И где только нашли такое количество? Из всех домов, должно быть, собирали. Еще хороший материал для знакомства с цветом и количеством — деревянные катушки. Да, да, самые обычные, от ниток. Родители из дома приносят.

Не хотите ли посчитать, сколько грибков, треугольников, кружков требуется для группы в двадцать ребятшек? Только одной группы, только одного садика. По программе, например, нужен материал разной формы — круг, овал, квадрат, треугольник. Большой, маленький, узкий, широкий. Восемь цветов — красный, оранжевый, зеленый и т. д. Нет, не от хорошей жизни работники детских садов везут из отпусков и командировок пластмассовый счетно-дидактиче-

ский материал для своих питомцев. И это еще крупно повезет, если достанешь. Обычно промышленность не балует потребителя в роде детского сада. Она, промышленность, и вслед за ней торговля больше ориентируются на «домашнего» ребенка. Отсюда и дорогие куклы, и плюшевые мишки ценой в тридцать рублей. Можно такой подарок сделать своему ребенку — раз, ну, два в жизни. А вот пластмассовый квадратик, необходимый для обучения детей, — редкость. Он слишком дешевый. Вот и вынуждены в детских садах клеить, резать, шить, а то и строгать те, чья прямая задача — воспитывать. «Самотугом делаем», — говорят белорусские воспитатели. Ну, не просто «самотугом», а с помощью родителей, родственников. Вот, например, тренажеры в садике базы «Ганусово». Это же чудо, что такое!

Огромный аист стоит во дворе — если потянуть за специальную веревку, он взмахивает крыльями. Чем сильнее тянешь, тем шире размах крыльев. До того соблазнительно, что и взрослые мимо пройти не могут. В спортзале того же садика презабавный деревянный медведь и обезьянка. Эти взмахивают всеми четырьмя лапами, когда дернешь за веревочку. Не было бы ни аиста, ни мишки в детском садике, если бы у заведующей Лилии Иосифовны Ульяновой был другой муж. Виктор Иванович — настоящий скульптор, не по профессии, по призванию. Его скульптурами украшен городской парк. Однако не каждой заведующей так везет в замужестве. При всем уважении и даже восхищении перед фантазией и упорством

воспитателей нельзя не признать, что фабричные изделия, будь то игрушки или спортивные сооружения, выглядят лучше, чем самодельные. Да и прочнее — могут служить на одному поколению.

Хозяева, как говорится, «повернулись лицом к детским садам». Как бы повернуть промышленность? Как заинтересовать предприятия, которые сегодня работают по принципу хозрасчета?

Галина Дмитриевна Казакова, заведующая республиканским методкабинетом, предлагает провести простенький расчет:

— В районе — двадцать детских садов, более тысячи детей. В области — десятки тысяч. Дайте нам хоть одну специализированную фабрику, и мы просто завалим ее

заказами на десять лет вперед.

Вот тебе и «невыгодный» ассортимент! А может быть, кооператоры заинтересуются этим важным делом, изготовлением счетно-дидактического материала, например? Ведь его можно делать из отходов производства...

Никто пока не считал выгоду. Как никто не считал убытков от того, что «детской» продукции все еще остро не хватает. А, наверное, пора считать. Ведь не два процента детей воспитывается в детских садах — семьдесят. Пора подумать о том, чтобы дети наши росли и воспитывались в современных условиях, как того требует время.

Ф. ГОРИЧ

Фото Т. МАКЕЕВОЙ.

Пока в Оношках строится детский сад по всем правилам педагогической науки, в старом, как в коммунальной квартире: ребята спят, играют, едят в одной комнате.

◀ Комната психологической разгрузки в детском саду «Колосок» экспериментальной базы «Ганусово».

Мерцок

Петр ВЕГИН

Поэты, пишущие для взрослых, иногда сочиняют детские стихи. Так случилось и с Петром Вегиним, автором десяти поэтических сборников. Он написал для своей дочери книжку «Катины секреты», которая выходит в издательстве «Детская литература». Прочитайте несколько стихотворений из этой книжки.

КАТИНЫ СЕКРЕТЫ

Папа,
скажу по секрету тебе —
дождик живет
в водосточной трубе.

Ночью приходит черная кошка,
громко мяукает, страшно шипит,
и перепуганный,
с мокрыми ножками
дождик по улице
быстро бежит.

Черная кошка во всем виновата —
дождик хотела
в клубочек смотать,
чтобы ее шаловливым ребятам
весело было
с клубочком играть!

Дождик присел
у окошка на корточки —
то постучится, то подождет,
я приоткрыла
дождику форточку,
и торопливо
с довольною мордочкой
с форточки
он перепрыгнул
на полочку,
с полочки — на пол,
и вот
дождик теперь
в нашем душе живет.

Правда, немножко
намочла дорожка,
но отпускать я его не хочу,
и вытирать
аккуратненько ножки
дождичек я научу!

ВАННА ДЛЯ СЛОНА

Что за ванна нужна,
чтобы выкупать слона?

В сто раз больше надувной,
в нашей ванне
слон такой
ни передней,
ни последней
не поместится ногой!

Как же он живет немывтый?
Чуть не плачет от обиды
Катя.

Ей отдать не жалко
для слона свою мочалку.

Все прекрасно в зоопарке!
Пять медведей!
Десять львов!
Только жаль, что в зоопарке
нету ванны для слонов!

Чтоб забылось это горе,
папа всех повез на море.

Быстро мчался паровоз.
Двести солнечных колес
торопились, торопились
и у моря очутились!

И, впервые море видя
из вагонного окна,
Катя крикнула:

«Смотрите —
вот и ванна для слона!»

Не беда, что очень жарко,
Катя радости полна:
«Дайте мне скорей мочалку
и еще скорей —
слона!»

СЛОНЕНОК

Я слоненка рисовал,
а он взял и убежал.

Я на улицу пойду,
быстро слоника найду,
на страничку,
где рисую,
поскорее приведу.

«Почему ты убежал?
Я же недорисовал
хобот,
а без хобота
будет много хохота!»

И ребята засмеют,
и зверята засмеют».

Ну, скорее с топотом
побежим за хоботом!

СПОРЩИКИ

Во дворе —
дворе —
дворе
спорили ребята:
почему —
чему —
чему
зебра полосата?

Начинал Никита спор,
говорил он смело:
«Почесаться о забор
зебра захотела!»

А забор был
страшной-страшной
черной краскою покрашен,
и на зебре доски
оставили полоски!»

Тут среди девчонок
возник переполох:
«Прислониться мог тигренок!
Мог или не мог?»

Но во двор,
во двор,
во двор
прибежал, крича, Егор:

«А знаете, а знаете,
вы ничего не знаете!
Все звери чебурашные
далекой Африкании
мечтают быть бесстрашными,
лихими моряками!»

И не о том, ребята, спор,
и ни при чем здесь доски,
и вовсе никакой забор
не оставлял полоски,

а просто:

тигренок — зебренку,
зебренок — тигренку
кончиками хвостов
нарисовали тельняшки —
это такие рубашки,
какие бывают,
какие бывают
только у моряков!

На белом большом пароходе
они океан бороздят..
А крокодилчик и бегемотик
стать летчиками хотят!»

КАТЯ УЧИТСЯ ПИСАТЬ

Уложив
всех кукол спать,
Катя учится писать.

Букву Д берем,
букву О берем,
букву М потом —
получается ДОМ.

Головой качает папа,
головой качает мама
и резиновый мой слон —
написала я ОРБУЗ,
потому что сладкий вкус,
потому что круглый он!

Карандаш держу я прямо
и почти что не дышу,
слово ПАПА,
слово МАМА
без ошибок напишу!

Рис. Н. САВЕЛЬЕВОЙ.

— Алма, хорошо тебе здесь?

Взгляд темных раскосых глаз скользил по заснеженным дворам, по крышам изб и банек, по белой дороге, уводящей к сосновому лесу...

В родном краю Алмы нет лесов. Выпавший снег кажется там ненастоящим, а за последним домом поселка начинаются предгорья Тянь-Шаня — голые холмы без единого кустика. На взгляд человека из средней России, где сейчас живет Алма, пейзаж бедноват, но уроженцу тех мест дорог — чего стоит хотя бы неделя, когда в горах цветут тюльпаны!

— Здесь? — переспрашивает Алма неуверенно и опять молчит, видно, вспоминает свой дом, семерых братишек и сестренку, мать с отцом. Потом, встряхнув головой, вдруг застенчиво улыбается.

— Я здесь почти что счастливая...

ПОЛГОДА НАЗАД ОНА УБЕЖАЛА ИЗ РОДНОГО КРАЯ. Детский сад, где работала после школы нянечкой, сменила на колхозную ферму, просторный родительский дом — на уголок в комнате, где ее приютили друзья. Встает засветло, отважно шагает доить российских буренок и на жизнь не жалуется. Ей только девятнадцать, она тоскует по семье, но возвращаться на родину не хочет наотрез. История, которую она рассказывает, отсюда, с калужской земли, кажется невероятной.

19 августа прошлого года в доме Байболовых была большая радость. В кои-то веки семья устроила праздник, по-казахски — той, в честь младших мужчин в семье. В тот летний вечер не гас во дворе огонь под огромным казаном, играл приглашенный из соседнего колхоза ансамбль, веселилась многочисленная дальняя и ближняя родня.

В 11 вечера Клара Мырзалиева, тридцатилетняя тетя Алмы, отвела ее в сторонку, церемонно познакомила со своей подругой Жумагуль и тут же горячо зашептала:

— За ней приехал муж, а ей так хочется еще немного потанцевать. Пойдем отпросим Жумагуль у мужа.

Втроем они дошли до конца улицы. В темноте на обочине дороги белел автомобиль. Когда приблизились, Алма разглядела незнакомых муж-

чин. Один сразу же обратился к ней:

— Поедем к нам на праздник.

Алма не успела вежливо отказаться, как кто-то из машины схватил ее за руки и втащил вовнутрь. Она закричала, стала звать на помощь тетю Клару, но та, не оборачиваясь, быстро шла прочь.

МАШИНА ЗАТОРМОЗИЛА. Мужчины вышли, автомобиль окружили незнакомые женщины. Они уговаривали Алму выйти, погостить у них на празднике. Она отказывалась, умоляла отвезти ее домой, снова кричала, снова звала на помощь. Тогда явились двое мужчин, силой вытащили ее из машины, отнесли в дом. И снова Алму окружили женщины. «Ты вошла в дом, теперь ты наша сноха, обратной дороги нет», — нашептывали они наперебой и все пытались накинуть на голову Алме платок. От страха она плохо себя ощущала, но все же поняла, что ее украли, против воли берут за муж, что накинутый платок — знак свершившегося обряда и что ни одна живая душа в этом доме ей не сочувствует. Но сопротивлялась до последнего, пока еще что-то помнила.

...Потом они снова появились. Брызгали Алме в лицо водой, надевали на нее новую одежду взамен порванной, уговаривали ее, бесчувственную, утешиться и смириться.

Я твоя
мерку з
ходила
день не
Вои
доме б
огнех
ноши
и теш
бала
сней
на и

Убайдулла Исмаилов, обрамившись
комья, у нас сегодня состоится
бегер, поехали сюда, поехали и
придем обратно. Хотели бы какой
всего, когда у нас... не успела догово
рись, как кто-то с машины потянул
меня за руки, а сзади двое толкнули
меня в машину и кричали, сестри
сестри, а тете Клара и не повернулась
И кричала, и втащили воровалась,
наехала, кусала сколько свалило
ею Но одною они воровню увели
меня к своим ногам великими. Все
слезы с машины и не слезы.
Хотела, Возвоня ж...

УКРАЛИ
ДЕВУШКУ

В это время дома уже сбились с ног в поисках старшей дочери. Долгожданный праздник был испорчен. Первой догадалась, что случилось, мать Алмы. Ей стало плохо, она слезла. Отца еще грела надежда: может быть, дочку украли по ее собственной воле, ведь так бывает. Но мать сомневалась: чтобы их скромная, преданная дому и семье Алма не шепнула ей ни словечка...

УБАЙДУЛА ТАЙЛАКОВ ЗНАЛ, что встречается не со следователем,

а с корреспондентом, его право было отказаться от встречи, не отвечать на вопросы, но он не отказался.

Убайдуле 25 лет, работает слесарем на Чирчикском комбинате строительных материалов, держится дружелюбно. Не отрицает, что снохи торопились его женить. Была тому веская причина — он только что отсидел второй срок (за угон мотоцикла) и, не ровен час, гуляя на свободе, неженатый, мог схлопотать и третий. Убайдула не скрывает, что на Алму его внимание обратила Клара

Мырзалиева. Она расписывала Алму как лучшую девочку в соседнем поселке, красивую, работающую, верную семье и обычаям рода.

— Алма знала, что ты хочешь ее украсть?

— Нет, — отвечает Убайдула спокойно. — А зачем? Ай-ай-ай, — вздыхает он, — столько денег с отцом тратили, а она нас опозорила.

— Но если вы тратили столько денег, если ты собирался жить с ней в законном браке, разве трудно было спросить ее: а она-то согласна идти замуж?

Убайдула невозмутим. В этой истории, слаженной женскими руками, он вел себя, по его мнению, как должно мужчи-

не, он не то что не сознает своей вины — чувствует себя жертвой. В ответ на прямой вопрос о насилии молчит и пожимает плечами. Остается предположить: он просто не знает, что любовь и супружество могут начинаться иначе.

То, что казалось невероятным за пять тысяч километров от Чирчика, здесь, в общем, никого не удивляет. Казахских девушек в этом регионе Узбекистана крадут до сих пор, таким путем совершается чуть ли не большинство браков.

У ответственного работника горкома партии украли племянницу. Девушка училась в Чирчике, жила у тети, как-то поехала в деревню к родителям и не вернулась. Вскоре приехал ее братишка: «Не волнуйтесь, тетя, она вышла замуж». На заводе, где работает Убайдула, недавно пропала специалист с высшим образованием. Через неделю явилась смущенная и довольная: «А меня украли». К такому привыкли...

С кем только не доводилось разговаривать, каждый мог припомнить случай похищения — в семье родственника, соседа, наконец, в своей собственной. Но почему, спросим мы, девушку надо красть? Сегодня она вовсе не безгласна в собственной семье, после десятилетки работает или учится, не сидит взаперти, одевается по моде, остригает косы, если ей того хочется, ходит на дискотеки. Словом, совершенно не похожа на запуганное, подневольное существо — предмет купли и продажи. Насколько я поняла, «кража» — это компромисс между верностью обычаям и реалиями современной жизни. Похищают невесту чаще всего из материальных соображений. Свадьба, которую празднуют в доме жениха и потом в доме невесты, обходится очень дорого. Главные расходы, называя их калымом или подарками на обзаведение молодым, ложатся на семью жениха.

Но семьи у казахов большие, трудовые рубли меренные. Часто получается так, что родители всю жизнь работают только на свадьбу. Обряд же с «украденной» девушкой, фактически уже ставшей женой, обходится куда дешевле, празднуется только в доме жениха и скромно. Потому эти как по нотам разыгранные обеими семьями похищения никого не удивляют. Но только когда они действительно театральные, когда невеста прекрасно знает, что украдут! А здесь...

НАУТРО К АЛМЕ ВОШЛА ТЕТЯ КЛАРА, стала причитать: «Ну что ты плачешь, они люди хорошие, будешь сама себе хозяйкой, проживешь не хуже других». Алма не слушала, умоляла сообщить родителям, чтоб те приехали и забрали ее. Сидела она под замком. «Если ты после всего, что уже случилось, вернешься домой, то убьешь мать и отца», — пригрозила ей тетя Клара.

Потянулись тяжкие дни. Мулла уже прочел над невольной невестой молитву. Алму стали выпускать из дома Тайлаковых, она даже вышла на работу. Приезжал отец, привез в дом к молодым мебельную стенку. Алма не смела поднимать на отца глаза и признаваться, что больше всего ей хочется умереть. Сыграли невеселую свадьбу, на которой она сидела как каменная. Все были против нее — чужие, свои. Даже подруги уговаривали, что все обойдется, даже воспитательница в детском саду, которую Алма почитала за вторую мать, уверяла, что делать нечего, Убайдула не хуже других, участь же у всех женщин одинаковая — дом, дети, хозяйство...

Я не уверена, что женщины, сладившие «счастье» Алмы, действовали из чистой корысти и по злому умыслу, скорее по заведенному порядку, они, возможно, даже не ведали, что творят зло. Но как незнание

закона не освобождает от ответственности, так непонимание закона нравственного не снимает вины с тех, кто им пренебрег, наплевав на личность, на душу, на будущее восемнадцатилетней девочки. И то, что когда-то и их самих унижали, и их достоинство попирали, вовсе не облегчает, а отягощает нравственную вину этих женщин.

ПРОШЕЛ МЕСЯЦ. За все это время Алма слышала от Убайдулы одну фразу: «Уже все было, теперь ты моя жена». День официальной регистрации брака, 18 октября, Алма назначила себе днем самоубийства.

Одна надежда оставалась у нее. Еще школьницей Алма прочитала в газете стихи самодеятельного поэта Болата Досжанова и, неожиданно решившись, написала автору письмо. Завязалась переписка.

И писем-то немного, и виделось всего дважды — Алма была свидетельницей на свадьбе Болата, а потом он с молодой женой ответил ей визитом. Но больше просить о помощи было некого. Написала ему в Россию. Сначала Болат не поверил своей названной сестре и даже присоединился к хору тех, кто уверял, что все сладится. Но потом понял, что это не каприз, не просто слезы, а трагедия, которую Алма переживает в одиночку и может не пережить.

Прочитав последнее отчаянное письмо, Болат, не раздумывая, сел в самолет. И за неделю до назначенного самоубийства Алма уехала с ним. Прямо с работы, не сказав никому ни слова. Только долетев до Москвы, телеграфировала родителям, что жива-здорова.

Где она, что с ней? Кроме матери с отцом, никто ничего не знал. А по ее родному поселку, по Чирчику, поползли слухи, пересуды. Над Убайдулой и всей его семьей посмеивались: жену не уберег! Но и Байболовых молва не

пощадила: вырастили дочь, посмевавшую пойти против обычая, сбежавшую из дома мужа, не стыдившуюся людей...

Так судили-рядили пожилые женщины. Их можно понять, тем более, что мало кто, в сущности, знал, как обстояло дело... Но вот спустя полгода в родном поселке Алмы я познакомилась с Гульзадой, ее восемнадцатилетней соседкой. Гульзада не сомневалась, что Алму украли против воли, ведь то же самое случилось с ее старшей сестрой. Та на коленях просила родителей забрать ее из ненавистного дома, но они были непреклонны — живи. И сестра смирилась, в конце концов пошла отеческую правоту. Ведь, по словам Гульзады, если б мать с отцом поддались на ее слезы, за хорошего парня сестра уже никогда бы не вышла. У такой своевольной невесты нет другого выхода, как идти замуж за вдовца, за пьяницу или век одной вековать.

Сама Гульзада уже сосватана, похищение ей не грозит, идет она за любимого и знает день своей свадьбы. Оттого особенно интересно было услышать, а что бы она сделала на месте Алмы.

— Жить бы стала, плакала бы и стала жить. Почему? — размышляет она. — Потому что тебя берут в дом. Хоть насильно, но замуж, на всю жизнь.

Нет, Гульзада не осуждает Алму, вспоминает о ней с теплотой, но ей искренне непонятно, как смогла она восстать против всех.

В ПРОКУРАТУРЕ ЧИРЧИКА не могли припомнить дела, возбужденного по ст. 135 — о похищении и ст. 94 — следующим за похищением изнасиловании. Обычно такие дела не возбуждаются, так что, если судить по официальным бумагам, в пору сделать вывод, что и невест здесь насильно никто не крадет. Старший помощник прокурора Самат Саттаров вообще

уверял, что похищение — красивый старинный обычай, когда в многолюдном месте на празднике за украденной невестой гонятся на лошадях. Но в добрых трех десятках историй, рассказанных мне, лошади не фигурировали. Повторю, эти похищения здесь расценивают как вынужденное житейское дело, совершенное по взаимному сговору. Но если сговора нет? Знают ли люди, что действия «жениха» попадают под 135-ю и 94-ю статьи Уголовного кодекса Узбекской ССР?

Я рассказываю историю Алмы в прокуратуре, показываю ее письмо к нам в редакцию, привожу свидетельства ее родственников и самого жениха, Убайдулы Тайлакова. Спрашиваю, что это: преступление или обычай? Или преступление, совершенное в рамках обычая?

Я понимаю, что по человеческим меркам, по мере травмы, нанесенной девушке, может быть, на всю жизнь, это преступление. Но юридически никакого преступления, не доказанного в процессе судебного заседания, не существует.

Помощник прокурора Бегаги Заиров разводит руками:

— Почему она не прибежала к нам на следующий день? Мы бы ей помогли. Ведь для возбуждения дела по статье 94-й нужны серьезные основания, и прежде всего медицинская экспертиза.

В который раз пытаюсь объяснить уважаемым юристам, почему Алма к ним не прибежала. Во-первых, сидела под замком целую неделю. Во-вторых, все были против нее — 18-летней деревенской девчонки, с детства приученной к послушанию и труду, вынужденной младших братьев и сестер, не знающей законов, не жившей в больших городах, привыкшей заботиться о других и не ведающей, как защитить себя. Вижу, что помощники прокурора верят каждому слову рассказанной истории, но —

Час до от

Ирина РАКША

Ирина Ракша — автор шестнадцати книг прозы. Лауреат премии Союза писателей СССР 1989 года. Предлагаем читателям «Крестьянки» два ее ранних рассказа.

Брезжил зимний рассвет. В поле, за огородами, снег уже засветился голубо и бело. До восхода было около часа, и деревушка еще спала. Теплым, уютным предрассветным сном.

Вдруг где-то скрипнула дверь. Звук э тот, резкий и острый, рассек тишину.

На крыльцо вышел рослый парень, в шинели, с чемоданом в руке, тревожно оглянулся, осторожно спустился по ступ-

прошло полгода, истек срок давности подачи заявления потерпевшей, нет его и сейчас. Свидетели из рода Тайлаковых отопрут, все сроки медицинских экспертиз истекли, стало быть, никаких юридических доказательств нет.

Правда, в исключительных случаях, когда обстоятельства дела представляются прокурору опасными для общества, в его власти начать расследование и по истечении срока давности, и без заявления пострадавшего. Но, видно, случай Алмы таковым здесь не считают.

Ее отец настаивает на том, чтобы виновники несчастья были наказаны. Он почти сразу догадался, что в этом «замужестве» что-то не так, но, по традиции казахских семей, дочь не делится с отцом своим личным, а тут было не просто личное, но, по ее представлению, позор. Только из ее письма уже из России они в подробностях узнали, что же случилось с дочкой.

— Не было бы у меня еще семерых, я бы убил его своими руками!

Простим эти неосторожные слова отцу, мечтавшему о счастливой доле для любимой Алмы, по его словам, самой доброй и ласковой из всех детей. Что сравнится с горем человека, у которого дочь от бесчестия убежала на чужбину, а он, старший в роде, вовремя не распознал беды и не сумел ее защитить.

А СПЛЕТНЯ О СВОЕНРАВНОЙ НЕВЕСТЕ перестала тревожить местные умы, уже почти забылась, как быстро забываются все сплетни. У Тайлаковых, кстати, все в порядке — Убайдулу женили, тетя Алмы, Клара Мырзалиева, сыгравшая в этой истории роль сводни, живет спокойно, только в дом к Байболовым носа не показывает. Трагедия Алмы, ее позор, ее одиночество и горькое бессилие перед равнодушными людьми ни на ком не отразились, никого особенно не

зволновали. Да и в официальных инстанциях меня несколько раздраженно спрашивали: «Ну, а чего же она хочет?»

Алма хочет, чтобы люди знали правду. Сейчас, спустя более полугода, она вздохнула, опомнилась, снова чувствует себя человеком, а не вещью, которую прибрали к рукам ради вполне вещественных нужд. Наверное, ей проще бы было не ворошить прошлого, забыть о месяце жизни с Убайдулой, как о черном сне. Ей всего 19, ее не оставили друзья, хорошо приняли на новом месте — она не отрекается от будущего, от жизни. Я видела Алму дважды, с разницей в месяц, и мне показалось, что передо мной две разные девушки. Отчаяния в глазах уже не было. Алма улыбалась, радовалась весне, как все в ее возрасте. Хочет поступать в педучилище — не потеряла, не расстроила на собственные горести приобретенной еще в родном доме любви к детям. Но Алма ничего не забыла и хочет, чтобы ее поняли.

Мы не знаем, что происходило сто и двести лет назад в душе девушки, которую силой забирали в чужой дом, делали женой нелюбимого человека. Смирлась она внутренне со своей участью или нет, выбора у нее не было; бежать было некуда, жаловаться некому. Но мы-то живем во времена, когда честь и достоинство каждого человека признаны обществом как первые величины в ряду понятий о земных ценностях, когда существует закон, призванный охранять личность, и как же нам надо помнить, что закон станет действительной силой только тогда, когда его соблюдают все. Если этого не будет, то в любую минуту беззаконие может обернуться против любого из нас.

Мы изменили имя Алмы, ее отца и Болата Досжанова. Остальные имена подлинны.

Татьяна ШОХИНА

ьезда

пеням и, точно боясь скрипа под ногами, торопливо пошел на зады через двор к сараям. Пересек по сугробам свой огород и наконец ступил на тропу, ведущую за околицу.

— Ви-и-тька-аа! — зазвенел над деревней детский надрывный голос.

Девочка выскочила из-за сарая, шуплая, в шубейке, надетой со сна на голые плечи, в валенках на босу ногу, и, стоя в снегу, орала и махала руками.

— Ви-тька-а-а! — спотыкаясь подбежала она к нему, стараясь попасть в его синие глубокие слезы.

— Ты куда? Ты уезжаешь совсем, да? Мамка опять реветь будет... Ты вчера на батю обиделся?..

— А ты чего шпионишь? — спросил он быстро и тихо. — Чего орешь как чумная? — Он оглянулся вокруг. — А ну, марш домой. Простудиться хочешь? — и тише с обидой добавил: — Иди к батю своему. А мне он не батя... Отчим он и есть отчим.

Сестра потупилась:

— Не уезжай. Мать реветь будет... — Она сама уже почти всхлипывала.

— Да щыц, ты! не ори! — и увидел ее даза: исподлобья, синие, как у матери, полные слез. И всю нескладную фигурку увидел и худенькие, уже покрасневшие колени, торчащие из валенок.

— Ну, понимаешь, надо мне, — сказал уже спокойнее, примирительней. — В район надо.

— Зачем в район? — заняла девчонка.

— Зачем, зачем, — баян починить надо, — выпалил он первое, что пришло в голову, и кивнул на чемодан, — в район вот везу, — и торопливо добавил: — Ты матери так и скажи, мол, баян починит, вернется. И слушайся ее. Мать слушаться надо. Поняла, Варька?

Девчонка молчала. Глядела на чемодан. Верила и не верила. Стояла. Не уходила.

— А ты когда вернешься?

Он буркнул раздраженно:

— Ну, я тебе конфет привезу, хочешь? Она вскинула личико, глаза просияли:

— Конфет? В фантиках, да? «Ласточку»?

— Можно и «Ласточку», — кивнул он.

— Привезешь, как баян починишь? — она уже улыбнулась.

— Как баян почию, — повторил он. — Ну пока, — и, повернувшись, пошел прочь.

Сперва он шагал крупно и быстро. Потом почему-то тяжело побегал вдоль притихшей улицы. Все быстрее и быстрее. Казалось, все окна смотрели вслед. А хотелось, чтоб никто не заметил. Особенно Галька, которая не дождалась его, замуж выскочила. Нет. Здесь ему делать было нечего. И жалеть не о чем.

В Сибирь дорога дальняя. До Тынды трое суток езды. У него там на БАМе кореш шофером устроился, вместе служили.

...Небо порозовело — за лесом всходило солнце.

Откуда-то сзади донесся мерный стук копыт. Скрип полозьев. На всякий случай парень свернул в ельник. Вдруг догоняют? Вдруг мать проснулась, следом кинулась?

Рыжая лошадь с белой от инея мордой неторопливо катила розвальни. На желтой, свежей соломе уютно сидела старуха в полушубке, в туго завязанном сером платке. Правый, пустой рукав был заткнут в карман, а левой — держала вожжи.

«Почталонша, баб-Катя», — сразу узнал парень. И, перемахнув сугроб, кинулся вслед:

— Эй! Погоди-ка! Постой!

На крик она оглянулась с удивлением; натянула вожжи. Потом, догадавшись о чем-то, усмехнулась лукаво:

— А я и не заметила!.. — лицо было морщинистое, приветливое, она вглядывалась, стараясь узнать. — Никак, Витька Пашин?

— Он самый.

Парень положил чемодан на солому, рядом с почтовым мешком:

— Подкинете до района, а, баб-Катя?

— Ты чего ж это, до свету в район?

— Да так. В сельмаг надо. — Он отвел глаза: — Купить кой-чего, — и для убедительности похлопал по чемодану. — Тара. Пашин послал.

Она взглянула на него внимательно, помолчала. Потом спросила:

— Значит, покуда от службы отдыхаешь, по дому помогаешь?.. Да-а, отчим твой. Пашин — мужик дельный. Зря в сельмаг гонять не будет.

Сани поскрипывали, переваливались на ухабах. От боков лошади шел пар.

— Да, дельный твой отчим, дельный мужик! — и озорно добавила: — Ох, и любила я его в молодости. А он мать твою взял. Да с дитем. Что ж поделаешь. Бежать было, что ли...

Он понимал, куда клонит старуха, но говорить об этом не хотелось.

— Дельный, дельный, откуда все думают, что он дельный?

Она опять с любопытством поглядела, сощурилась:

— Таких мужиков, скажу я тебе, нет уж теперь. Я его с войны знаю. Партизанили вместе. Да и в председателях он сколько лет! Тебе с ним в любовинку жить бы надо, а ты хорохоришься все, матери сердце рвешь...

— Ну, а сейчас? Что он сейчас для колхоза сделал? Где удобства? Дома культуры и то нет. Что это за клуб? Дискотеки нет. Смотрят кино, семечки лузгают.

— Лузгают, — покачала она головой.

— Молодым культуру давай, способности выявляй, — все громче продолжал он. — У всех способности, у всех профессии. Я, к примеру, в армии в хоре пел. На смотри ездили, выступали. А тут что? — он даже рукой махнул. — Срам.

— Срам, — вздохнула она.

— А уровень современной жизни где? — горячился парень. — С кого его требовать?

— Не с кого, — согласилась она. — Вот тут ты прав. Самим шевелиться надо.

Парень достал сигареты, зажигалочку. Спрятав в ладонях дрожащий на морозе

язычок пламени, с удовольствием закурил.

— А Пашин? Разве он людей ценит? Да что людей, пусть бы кадры ценил... Мне его любовь не нужна — я плевал. Пусть он во мне специалиста ценит, я ему не затычка. Я на подстанцию хочу. А он меня нарочно в коровник, в дояры. Машинная, говорит, дойка. Я пока с ума еще не сошел, — от возмущения он даже закашлялся.

— Я, думаешь, трудностей боюсь? — и он отшелкнул окурочек подальше в сугроб. — Я в армии хоть кем работать мог, у меня пять профессий, но мне уважение нужно... А он меня — в коровник...

— А говоришь, трудностей не боишься, — она усмехнулась одними губами. — С таким понятием тебе и правда другое место подыскивать надо. Посытней. Побогаче. В Сибирь надо на стройку или уж сразу в город. Городских девок нынче полно. Только мигни. А тут, вишь, к твоему приезду не подготовились, — с обидой губы поджала. — Ничего, справимся. А таких без роду-племени много сейчас по земле шастает.

Он промолчал, чего со старухой толковать, что ей докажешь.

Вдали в голубой дымке стал хорошо, как на ладони, виден райцентр. Маленький, заснеженный городок, освещенный зарей, просыпался.

— Ну, что, артист, со мной, что ли, до почты? Или как? — спросила старуха. — А то ведь нынче выходной. Или Пашин забыл, что магазины закрыты?

Он буркнул:

— До почты, — отвернулся. На душе почему-то стало пусто и неуютно. И словно пропали уверенность и решительность.

На площади было еще малоллюдно. Знакомых не приметил. Потоптался, размял озябшие ноги и, прихватив чемодан, пошел к автобусной станции. Там никого не было.

Под дощатым навесом стук его сапог раздался гулко и одиноко. Промерзший воробей шмыгнул под застреху. И парень почему-то проникся к нему сочувствием — свой, родной воробей. Вспомнил, как кореш писал: «А тут на БАМе у нас мерзлота и даже воробьев нет».

Фанерное окошко кассы было закрыто. Не сняв варежки, он на всякий случай все ж постучал. Неожиданно окошечко распахнулось, и женский голос ответил напевно и весело:

— Автобус только ушел. Подождите маленько. На город через час будет.

Он заглянул и увидел девчущку с немодной косой, уложенной вокруг головы, в красных сережках и в платке с яркими цветочками. Она была юная, яркая, словно с картинки, и могла вот-вот захлопнуть оконце, из которого мягкой волной шло тепло и запах цветочных духов. Он задал вопрос просто, чтобы что-то спросить:

— А почму вы решили, что мне в город?

Она улыбнулась:

— Так с чемоданом же, — и уже хотела захлопнуть окошко. — Морозу напустите.

— А может быть, я только приехал, а девушка?

— Да я вас знаю. Вы — Пашин, в на-

шей школе учились. Еще в хоре пели, вас все знают,— и засмушалась, даже платок на плечах передернула.

— У вас голос такой был красивый. Куда ж это вы подевались?

— Да, я только отслужил,— и он поставил чемодан у ног,— ему хотелось поговорить, согреться. Но окошко резко захлопнулось, словно дверца в иной, душистый и теплый, уютный девичий мир.

Он потоптался. Почитал расписание на щите. Были рейсы и в город, и по району. Подумал: «Раньше многих рейсов не было».

У деревянного двухэтажного дома райисполкома уже стояли розвальни, машины, кошевки. Шоферы и возчики ждали начала рабочего дня. Грелись, шутили, похлопывали друг друга, шумели. И лица были какие-то знакомые, давно виданные.

Он ходил нервно, задумчиво, три шага туда, три обратно. Подумал, что дома уже встали, что Варька все рассказала и мать ревет теперь, а Пашин молча бреется, стоя пьет молоко, собирается в правление...

Через полчаса на площади сталолюдно. В чайной то и дело хлопала дверь, выпускала на улицу белые, теплые клубы пара. И через сквер кто-нибудь то и дело спешил, поглядывая то на него, то на чемодан, поставленный у скамейки. А он отворачивался неловко и все ходил, три шага туда, три обратно.

На автобусной станции у кассы уже выстроилась очередь.

В конце сквера темнел памятник — гипсовый, крашенный масляной краской. Он раньше как-то не замечал его, хотя памятник стоял тут издавна. Старик партизан и солдат, преклонив колена, с венком в руке. Памятник погибшим односельчанам. Вернулось с войны всего трое. И Пашин вернулся.

Ноги в сапогах мерзли. Парень ходил, топал, три шага туда, три обратно. И вдруг словно споткнулся — на снегу, вдавленный его каблуком, пестрел желтый фантик.

Над поселком в утреннюю синеву к солнцу взмыли голуби. Вспомнилось, как разводил их Колька Пальчиков. Может, это и есть его голуби?.. А на снегу по-прежнему все пестрела золотистая бумажка. «Лас-точ-ка», — прочел он с трудом. И опять зашагал туда и обратно. Но как-то уже нерешительно, медленно. А под ногами, как искорка солнца, эта яркая конфетная обертка...

И вдруг, подхватив чемодан, быстро пошел через площадь — к чайной.

Вот он широко распахнул дверь, обдало теплом. Внутри было душно и людно. И кто-то сразу узнал его и весело позвал:

— Вы глядите! Да это Витюха! Пашин! А ну, к нам давай!

Он кивнул и — к стойке, сказал буфетчице в белой наколочке:

— Конфет мне,— и ткнул рукой в вазочку на витрине.— Вот этих получше, которые в фантиках.

И пока она сыпала конфеты и кидала на весы гирьки, он открыл чемодан и, отодвинув пожитки, освободил место для гостинца.

Звезда на л

В деревенском клубе пыль стояла столбом. Под музыку по дощатому, неровному полу шаркали ноги в босоножках, сапогах, туфлях, даже в тапочках. Воскресенье. Народу много.

Студентка-практикантка из города осталась сидеть в дверях, огляделась. В углу сидел солдат — курносый, веснучатый, совсем некрасивый. Она отвернулась.

Мальчишки шныряли меж танцующих. Пугались под ногами. Музыка рвалась из большого, обтянутого кумачом ящика, неслась над головами.

Студентка опять оглянулась. Солдат и рядом с ним соседская девчонка. Беловолосая, в красной блузочке — та, что по утрам приносит ей молоко в бидоне. Ишь, принарядилась — аккуратенькая, чистенькая. Танец дамский, а она сидит тихонько подле него — не танцует.

Клуб плохонький, пол покатый. И свет слабый. Тут особенно не разойдешься — не город. Но все-таки захотелось поразвлечься, тряхнуть, как говорят, стариной. Студентка поправила хрустальные бусы и пошла вдоль стены к солдату; да и приглашать было больше некого.

Он смутился. Спрятал ноги в сапогах под лавку, посмотрел на соседку, словно ища поддержки.

— Да не умею я... Так просто зашел.

— Ничего, ничего, вставай.— Студентка улыбалась, подавая руку.

— Да я уж пробовал. Не выходит.

— Значит, учителя плохие были.— Она уверенно взяла его за руку, обхватила талию по широкому ремню, повела от девчонки в гуцу танцующих.

— ...Правой... Левой... Опять левой,— тихонько командовала она и чуть сжимала руку.

Солдат неуверенно переставлял ноги в кирзовых сапогах. У него на груди перед ее глазами блестели желтые, начищенные пуговицы и значки — парашютиста и еще какие-то.

— Зачем столько навесил? — Она подняла глаза.— Мне только вот этот нравится.— И дотронулась пальцем до парашютика.

Он сразу сбился с ноги. Заморгал белыми ресницами:

— Не выходит.

— Как это не выходит! — засмеялась она.— Все отлично идет... Правой... Теперь левой... левой...

Потом они танцевали еще. В перерывах, когда музыки не было, студентка нарочно оставалась стоять близко от лавочек — было интересно следить за соседской девчонкой. Та смиренно сидела на прежнем месте, ждала, но старалась не смотреть

адоны

в их сторону. А солдат уже не отходил от студентки. Слушал, как она говорит пустяки, блестя ровными зубами, видел, как искристо переливаются бусы на груди.

К двенадцати завклубом — седенькая женщина — что-то тихо сказала со сцены. Шустрые ребята-активисты тотчас принялись с треском выключать радиолу, замигали светом.

Солдат неуверенно спросил:

— Вам далеко?

Ей не хотелось идти с ним через всю деревню — погоны черные, даже не сержант. Улыбнулась:

— Нет, тут рядом.

Он осмелел. Спросил, глядя на большие свои сапоги:

— А еще я увижу вас?

Мимо к двери тихо прошла девчонка, поглядела на них. Студентка усмехнулась, довольная:

— Можно, завтра, например, в одиннадцать. За фермой.

Озорно оглядела его — никогда не было свиданья за фермой, да еще с солдатом.

Он счастливо взглянул на нее — глаза ее искрились, как хрусталинки бус, и не смог сказать, что завтра у него нет увольнения.

Окраинная улица, где квартировала студентка, была не освещена, пустынна. Она весело шагала в темноте мимо черных заборов, мимо телеграфных столбов, чужих изб.

Впереди по дороге кто-то шел. Студентка догадалась — это она, соседская девчонка, что носит молоко, — и пошла тише.

Цвет блузки впотмах не различался, но светлая голова была хорошо видна.

...Назавтра вечером, валяясь с книжкой на широкой хозяйской постели, вспомнила о свидании. Вскочила, натянула светлое платье. Ресниц красить не стала — все равно темно, но волосы подушила.

Ночь была темная, сентябрьская. Цепляясь за холодные ветви орешника, она спускалась по тропке к белеющей на лугу длинной ферме. Не торопилась — надо же опоздать немного. Кругом пустынно, тихо. Сердце стучало — было забавно и страшно.

Его темная большая фигура маячила у навеса.

— Верочка, — счастливо выдохнул он. — А я боялся, не придете.

— Ну, что ты... (вчера он назвал свое имя, но она забыла). Я никогда не обманываю, а то себя уважать перестанешь.

Он почувствовал запах духов. Видел в темноте ее светлое платье.

— Вам не холодно?

— Нет пока, — улыбнулась она.

— Я в самоволке. Плащ не смог взять. — Самоволка? Самовольная отлучка, значит? И что ж тебе будет за это?

— Не знаю еще. — Он шагнул к ней. — Сегодня целый день о вас думал. Даже сержант спросил, что молчу все.

Она положила руки ему на грудь — значков не было. Только парашютик холодел под пальцами.

— Вам нравится, Верочка? — спросил он с готовностью. — Хотите, подарю? — И тотчас стал отвинчивать.

Потом осторожно нашел ее руку, положил в ладонь.

— Спасибо. Хорошенький. — Она повертела значок в пальцах, опустила в карман.

— Знаете, этот значок мне...

— Давно здесь служишь? — спросила она.

— На полигоне? Второй месяц. А вообще год уже... А значок этот мне...

— Смотри-ка, дождь...

Тяжелые капли стучались о навес. Все сильнее, сильнее. Шумели по шиферной крыше фермы. Воздух стал свежим, влажным.

Большущими теплыми ладонями он осторожно взял ее за локти:

— Не замерзли бы вы у меня.

Она склонила голову ему на плечо. Он замер. Опять почувствовал от волос теплый запах духов.

— Как теперь домой добираться, — вздохнула.

Он прошептал:

— Я на руках донести могу.

— О-ой! — Она выпрямилась. — Ну, зачем банальности? Все испортил!

Он не понял. Испуганно заморгал в темноте:

— Что? Что, Верочка?

— Ладно. Все равно не поймешь.

Дождь лил вовсю. Шумел перед самым лицом. Холодные мелкие брызги щекотали кожу.

— Вот так и дома. На балкон выскочишь... — она со смехом было нырнула в дождь, но тут же отпрянула: — Бр-р-р. Он, растерянный, стоял рядом, опасаясь дотронуться до светлого, чуть мокро-

го платья.

— Боюсь, простынете...

— Ну что ты все боишься! — она вернулась, сама забралась на бочку. — Трус какой-то.

— Мне стыдно просто, — сказал он шепотом. — Плащ не смог взять.

...Дождь кончился внезапно. Сразу стало тихо-тихо. Слышалось, как вздыхают коровы, как журчит по желобу вода.

Они шагали лугом, по мокрой высокой траве. Огромное небо было светлей, чем прежде, и в звездах.

— А вы зря, Верочка, у нас не бывали. — Он старался шагать помельче. — Красота такая. Сейчас яблони в саду — ступить негде...

— Да-а, много потеряла.

— А хотите, я маме напишу, она вам яблочек вышлет?

Она схватилась за мокрые ветки орешника.

— Ой! — На них обрушилась лавина капели.

— Она обязательно вышлет, — говорил солдат. — Вы только адрес дайте.

Она рассмеялась:

— А ключей на тарелочке не надо?

Он смутился. Не понял.

Дорога раскисла. Покрылась темными лужами. И в каждой из них плавали звезды.

Он держал в своей ее маленькую руку.

— Хорошие какие сегодня. — Он глядел вверх. — Правда?

Она вздохнула с тоской.

— Скажи еще: хочешь, достану, подарю...

Он помедлил:

— Сейчас, — и шагнул куда-то в темноту. По дороге зачавкали его сапоги и замерли.

Она тоже остановилась. Ее дом — вот он. Кругом ни огонька. И окна соседской избы, где живет беловолосая девчонка, тоже темны.

Сапоги снова зачавкали.

— Верочка! — Он протягивал ей руки. — Смотри, Верочка.

В ладонях на поверхности воды плавала, лучилась звезда. Зеленая звезда.

— Ну, вот, теперь руки грязные, — усмехнулась она. — Прощаться нельзя.

Его пальцы разжались — звезда просочилась меж них.

Студентка ступила на траву обочины:

— Вот дом. Пойду. Спать пора, — и прыгнула через канаву.

— Не грусти, — засмеялась издали. — Ты ученик способный. Без меня танцевать будешь, — и скрылась за дверью.

Большая, неуклюжая фигура стояла на дороге.

С ладоней на сапоги капали звезды.

...Туманным утром девчонка, подойдя к соседскому крыльцу, подняла из грязи оброненный синий значок — парашютик.

Она знала: его вручили Леше еще до армии — за пятьдесят прыжков с самолета. Девчонка отерла значок рукой и бережно спрятала — нужно будет вернуть ему, обязательно.

Потом, как всегда, поставила на ступеньки у веранды бидон с молоком.

Журнальный вариант.

Рис. А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Письма
одного
дня

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Вопрос — как живете? — самый легкий, если отвечать коротко, и самый трудный, если отвечать всерьез. Но что, скажите, делать «Крестьянке», если этот вопрос ей задают из года в год? И не один человек, не десять, а тысячи. И при этом поздравляют с профессиональным праздником — Днем печати, спрашивают о жизни редакции, планах. Да так тепло, так заинтересованно! Мы решили ответить, тем более что у нас в этом месяце день рождения: «Крестьянка» выходит с июня 1922 года.

ВАШ ДОМ В СТОЛИЦЕ

Итак, что такое «Крестьянка»? Ее положение похоже на положение деревенского человека, переехавшего в город, но не порвавшего связей с земляками. К нему едет вся его деревня, он ходатай по делам односельчан, у которых есть дела в городе. Только у «Крестьянки» не одна деревня, а тысячи. И не только деревни — города, городки, поселки. Из двадцати с половиной миллионов тех, кто выписывает наш журнал, треть — горожане. У работающих женщин, независимо от того, где они живут и работают, так много общих забот. И они выбирают издание, которое ближе всего их интересам. На наш взгляд, это нормально, тем более что и в селе сегодня не одни крестьяне живут; не назовешь ведь крестьянками сельских учительниц и агрономов, экономистов и клубных работников. Всех вас мы считаем «нашими». У себя в редакции мы многое прощаем друг другу, работая годами

бок о бок, только не пренебрежение к нуждам и заботам женщин. Это — никогда. Считается, что «Крестьянка» делается по плану. Мы долго его составляем, выверяем, обсуждаем. Наконец утверждаем на редколлегии. И тут же начинаем нарушать (ведь жизнь непредсказуема, особенно сегодняшняя наша жизнь). Ну вот, к примеру, этот номер, «№ 6», — в нем тоже план поломали. Какой может быть план, если украли девушку? (Подробности этой истории вы узнаете из журнала.) В помощи нуждается человек, который нам доверился. Оскорблено его достоинство. Девушка считает, что «Крестьянка» в силах ей помочь. А тут — наш главный символ веры: нельзя, чтобы человек был одинок и несчастен; в любой ситуации, даже самой трудной, в возможностях человеческих облегчить ему жизнь. И нет в нашем журнале ни одной публикации, которая не шла бы в русле этой основной идеи. О чем бы ни ве-

лась речь — о трудовых нагрузках жены арендатора, о том ли, что женщинам-механизаторам дают плохую технику, об отношениях мужа и жены или о любви поэта, умершего два века назад, — речь все равно об умении быть счастливым и не терять надежды на лучшее. Это — главное, что пропагандирует «Крестьянка». На многое другое, увы, часто не хватает места. И потому постепенно исчезли с ее страниц описания технологий, профессиональные подробности чисто производственных проблем — ими, решили мы, пусть занимаются специальные издания. Лев Николаевич Толстой написал когда-то: человеку не столь важно знать, сколько на небе звезд и каков их химический состав, сколь необходимо понимать, как ему прожить его единственную жизнь. Нет, журнал, конечно, не уходит от деловых разговоров. Чтобы ориентироваться в сегодняшней сложной жизни, надо быть человеком компетентным, иначе останешься пешкой, которую будут двигать, куда хотят. Журнал публикует советы экономистов, психологов, со-

циологов, дает юридические консультации, обсуждает семейные проблемы. Но все это — в сугубо практическом плане, разбирая житейские ситуации, конкретно, помня, что работающей женщине, у которой семья на руках, специальную литературу искать трудно, а интересные статьи читать некогда. Мы пишем о заботах работающих женщин. При этом стараемся их и порадовать, чем можем, ибо много нехваток в нашей жизни, но самая трудная — нехватка радости. Мы сказали, что «Крестьянка» — это свой дом в столице для всех наших читателей. Но, приехав к нам, вы рискуете застать немногих. По месту службы сотрудники бывают считанные дни, в основном — в командировках. Нас ведь всего 36 человек, включая главного редактора и учетчиков отдела писем. Тех, кто собственно делает журнал, человек 15 — это с фотокорреспондентами и художниками (художников у нас двое). Все мы верим в то, что пишем. Вот одно тому доказательство. С тех пор, как журнал из номера в номер стал писать о счастливых семьях, о том, какая великая радость — дети (хотя и труд великий!), у вось-

ми наших сотрудников родились малыши, а у одной — даже двое, погодки. Уговаривали других, уговорили себя. Дети эти, как водится, стали периодически болеть, нагрузка на тех, у кого они родились раньше, — возрастать. Но это, мы считаем, дело житейское. До сих пор мы говорили о тех, кто делает жур-

нал: пишет в него, готовит публикации, фотографирует, рисует. А где же остальные? Здесь они, в «Крестьянке», — и тоже при деле. Это прежде всего наша общественная редколлегия. Фамилии тех, кто в нее входит, вы видите в журнале. Это люди, которые по роду своей основной работы очень хорошо знают проблемы нашей жизни: секретарь ВЦСПС, поэтесса, специалист сельского хозяйства, член президиума Комитета советских женщин... Их знания присутствуют в наших публикациях: если мы ошибаемся, «мельчим» тему, они нас поправляют. За страницами «Крестьянки» часто остается и отдел писем — 14 человек, почти половина коллектива. Время от времени вы видите на страницах журнала рубрику «Служба надежды»: информацию о том, как живется в деревнях Нечерноземья новоселам, переехавшим сюда с помощью «Крестьянки»; адреса, где их ждут. Но если сравнить эти публикации и весь объем работы по «Службе надежды», это будет айсберг, причем публикации — его надводная часть. Главная работа невидима, как невидима большая часть айсберга: это переписка с людьми, которые хотят наладить свою жизнь, связь с районами, с хозяйствами,

где в этих людях нуждаются, а снова с теми, кто надеется на помощь журнала. 37 000 писем пришло в редакцию в марте (пишутся эти строки в начале апреля), из них треть — по «Надежде». А многие приезжают прямо в редакцию, иногда без предупреждения, с детьми и домочадцами. Тут и плачут, и чай пьют, и адреса своего счастья ищут в письмах. А писем — это не преувеличение — мешки.

Ну, а секретари райкомов партии, председатели райисполкомов, руководители хозяйств, бывая у нас, выписывают адреса нужных им людей без лишних эмоций и слов.

Но и «Надежда» для отдела писем — хоть и важное дело, а не самое главное.

В прошлом году в редакцию пришло 355 766 писем. Из них 45 230 — это просьбы и жалобы. Большую часть их мы направляем в различные инстанции для принятия мер и напоминаем о том, что ждем ответа. На 21 070 запросов ответы уже получены. И вот что из них видно. 468 человек с помощью журнала получили жилье, а более полутора тысячам

ны-таки алименты.

Открыты 22 медпункта и 12 детсадов. 105 медпунктов и 51 детсад отремонтированы. 352 малыша устроены в детские учреждения. Произведено 637 перерасчетов пенсий. 692 человека, искавших справедливости, восстановлены на работе, а в отношении 17 отменены несправедливые судебные приговоры. Наказаны и обидчики: 384 руководителя, злоупотреблявших служебным положением, привлечены к ответственности, против 71 возбуждены уголовные дела по фактам краж и злоупотреблений.

В 32 поселках и дерев

культуры сняты замки, — теперь тут есть кому работать. 4039 нашим читателям даны юридические советы по вопросам, которые их интересовали.

Зачем мы вам об этом рассказываем? Чтобы похвастаться? Не без этого, конечно, но лишь самую малость. Главное вот что: знайте, работа «Крестьянки» никак не сводится только к выпуску журнала. И это очень жаль. Но что делать, если тысячи людей не могут на месте добиться того, на что имеют право, иначе как написав в журнал, в сто-

«над» людьми и даже не «для» людей, а самих людей, когда она подобна исправному инструменту. Но доколе дело обстоит иначе, мы — ваши союзники, ходатаи по вашим делам.

Не часто, но все же бывает так, что мы собираемся все вместе. Как, например, минувшей осенью, когда проходили Дни журналов на ВДНХ СССР. День встречи «Крестьянки» с читателями несколько раз переносили, в результате мы растеряли всех

женщины в реальности, а не на картинках. Показали «мужчин, которых мы не любим за то, что они не любят нас»: плохих строителей, плохих руководителей, бюрократов, к которым с чем ты приходишь, с тем и уйдешь, невежливый, равнодушный, ленивый. Уж не знаем, как зрителям в зале, а нам было весело. Госкомиздат СССР потом присудил нам за эту встречу диплом, ВДНХ — две сереб-

Встреча с читателями.

ФОТО Т. СЕРТОВОЙ И Е. КАТИНА.

Советуемся, спорим...

наших «знаменитых» участников: у одного — гастроли, у другого — грипп... Тогда мы решили, что сами станем артистами. И подготовили коллекцию «антимоды» — модели одежды, которую носят наши

Наши фотокорреспонденты.

ряные медали, а Союз журналистов СССР — путевку для наиболее отличившегося сотрудника в Дом отдыха журналистов в Варне, в Болгарии.

Так что бывают и у нас праздники. Но лучшее, что есть в нашей жизни, — это когда в поездках мы «открываем» себе и миру хорошего, талантливого человека, умеющего делать жизнь

вокруг себя лучше, или когда нам удается доброе дело — помочь восстановить справедливость, утвердить человечность. Никакая поездка на болгарское Черноморье с этим не сравнится, честное слово.

Ваша «КРЕСТЬЯНКА».

лицу. Чиновники упиваются своей властью над людьми (часто и властью копеечная!), потому что не из рук этих людей власть свою получили.

Но ничего, выборы, прошедшие недавно, выборы, которые пройдут вслед за ними, должны убедить: власть тогда хороша, когда она не

нях отремонтированы или вновь построены дороги. Открыты 28 автобусных маршрутов. В 18 селах и деревнях начали работать магазины, торговые палатки, а еще в 42 — автолавки. В 11 селах открылись дома культуры, а с 87 домов

По вашей просьбе

ГАЛАТЕЯ

В безумный день
тебе пришла одна идея —
Ты из меня создать задумал
Галатею.
О, как ты был идеей
этой окрылен,
Пигмалион, Пигмалион, Пигмалион.
Я вдохновенно твоему
не подчинилась.
И Галатею из меня не получилось.
Да и зачем она тебе, Пигмалион,
Когда ты сам,
когда ты сам в себя влюблен?

ПРИПЕВ:

Пусть когда-нибудь, друг мой,
Пусть когда-нибудь, друг мой,
Упадет моя звезда, моя звезда,
Но не стану я другой,
нет, не стану я другой,
Никогда, никогда, никогда.

Смотрю в глаза, в твои глаза,
а сердцу горько —
Нельзя так жить,
нельзя любить себя лишь только.
Могу одно сказать тебе
я в этот миг —
Лепи свой взор, лепи свой вздох,
лепи свой миг!

Напрасны хлопоты,
пуста твоя затея —
Я не гожусь на роль
прекрасной Галатеи.
А если ты в себя влюблен,
в себя влюблен,
Какой же ты Пигмалион,
Пигмалион?!

ПРИПЕВ.

Музыка
Игоря САРУХАНОВА.
Слова
Ильи РЕЗНИКА.

Лариса КОНАРСКАЯ

Пигмалион — в античных мифах художник, силою своей любви ожививший созданную им статую.

В СУЩНОСТИ, ЭТО НЕТРУДНО

Сегодня, чтобы завоевать себе право петь для людей, мало одного голоса и любви к пению. Нужно быть смелой, находчивой, собранной, как спортсмен перед стартом. В полной мере я это поняла, когда в 1987 году на конкурсе в Юрмале, за два дня до начала, мне в категорической форме предложили сменить репертуар. Не в моем характере идти на поводу чье-либо каприза. Но так велико было желание выступить на этом конкурсе, что я не отказалась. И, к своему удивлению, стала даже лауреатом.

В подобных ситуациях, оказывается, можно открыть в себе доселе неведомые качества... Я сказала тогда себе: хоть умру, а выступлю! Раньше таким упорством и настойчивостью мой характер вроде бы не отличался. Всегда отдавала предпочтение не бойцовским, а иным качествам исполнителя — тонкому мастерству, если хотите, чутью, которое помогает в нужную минуту спеть своим слушателям нужную им песню.

Мои любимые поездки (и любимые слушатели!) — по маленьким городкам и селам Украины. Здесь, в городе Ровно, я родилась, здесь в детстве мечтала лечить животных, но окончила институт культуры и почему-то стала экскурсоводом. Пока, наконец, не поняла, что единственное мое призвание — петь. Много работаю, часто бываю собой недовольна... А успех, если он выпадает, отношу за счет того, что стараюсь всей душой быть искренней. В сущности, это нетрудно, если любишь своих слушателей.

Фото В. ГВАЙТА.

КРОССВОРД

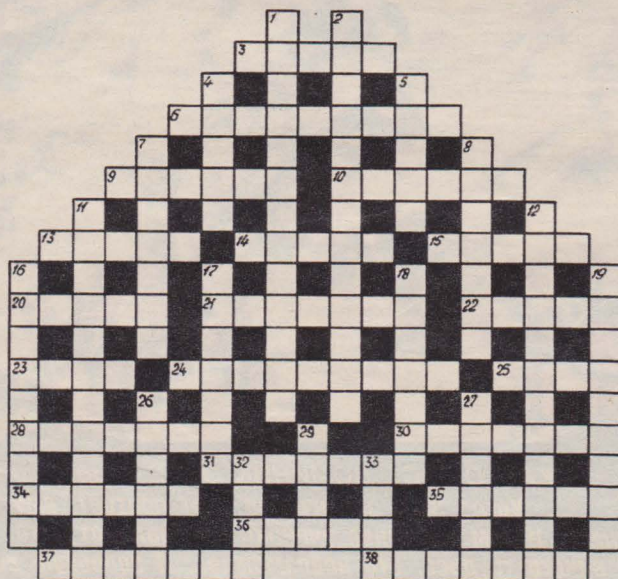
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Основной состав квалифицированных работников предприятия, учреждения, общественной организации. 6. Постановщик танцев. 9. Герой романа А. М. Горького. 10. Арбузный мед. 13. Драгоценный камень. 14. Задняя часть судна, транспортного самолета. 15. Горная страна в Средней Азии, один из основных центров альпинизма в СССР. 20. Ленточка-закладка, приклеиваемая к корешку книги. 21. Устройство для регулирования напряжения и тока в электрической цепи. 22. Советский писатель, автор романа-сказки «Три толстяка». 23. Цифровая отметка успеваемости учащихся, достижений спортсменов. 24. Река в Якутии. 25. Водоплавающая птица. 28. Многократное быстрое повторение одного звука. 30. Ожерелье из бус, монет, разноцветных камней. 31. Небольшая повесть, рассказ. 34. Сказка Ханса Кристиана Андерсена. 35. Древесный материал в виде тонких листов. 36. Насыщенная жидкость, в которой вываривали что-либо. 37. Лицо, сдающее экзамены за курс учебного заведения, не обучаясь в нем. 38. Музыкальный темп.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Наука об ископаемых животных и растениях. 2. Раздел математики. 4. Злаковое растение, близкое к просу. 5. Тихоокеанская промысловая рыба. 7. Английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле. 8. Рупор для усиления звучания голоса. 11. Масличная культура. 12. Особый вид балетного спектакля из ряда отдельных номеров. 16. Крупная океаническая птица. 17. Верхняя часть фасада здания. 18. Пустыня в Южной Америке. 19. Хлопчатобумажная бельевая ткань. 26. Старинное трехмачтовое военное судно. 27. Столица Турции. 29. Книга стихов Владимира Высоцкого. 32. Газ, соединение трех атомов кислорода, используемый для очищения воздуха, воды. 33. Древнегреческий струнный музыкальный инструмент, символ поэтического творчества, вдохновения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Планка. 6. «Максим». 10. Матрос. 11. Арагон. 15. Гвардия. 16. Самбо. 17. Тихонов. 20. Огонь. 21. Покрышкин. 22. Котик. 25. Берзарин. 26. Винтовка. 27. Аэродром. 31. Девятаев. 36. «Киров». 37. Штурмовик. 38. Шофер. 41. Телефон. 42. Осада. 43. Махорка. 46. Тоидзе. 47. Иванов. 48. Трофеи. 49. Медаль.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Баталия. 2. Якорь. 3. Запал. 4. Эстония. 7. Эскадрон. 8. Карбышев. 9. Отвага. 12. Анохин. 13. Фрунзе. 14. Полоцк. 18. Моор. 19. Гимн. 23. Взвод. 24. Почта. 28. Эпопея. 29. Рота. 30. Маресьев. 31. Джорджия. 32. Воин. 33. Егоров. 34. Шинель. 35. Теркин. 39. Шолохов. 40. Самокат. 44. Адлер. 45. Пакет.

Крестьянка

ИЮНЬ 1989 г.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),
И. В. НОРКИНА,
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Номер оформлен
с участием М. В. СТАРЦЕВОЙ.

Сдано в набор 12.04.89. Подписано
к печати 25.04.89. А 04436. Формат
бумаги 60 × 90%. Бумага книжно-
журнальная. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Усл. кр.-отт. 21,00.
Уч.-изд. л. 8,56. Тираж 20 870 000
экз. (1—16 599 888 экз.). Зак.
№ 508. Цена 25 коп.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Присланные рукописи, фотогра-
фии и рисунки редакция не воз-
вращает.

Во всех случаях обнаружения по-
лиграфического брака редакция
просит обращаться в ОТК типогра-
фии, печатающей журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрь-
ской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства
ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки — Та-
тьяна и Анатолий ЧУРИНЫ, арен-
даторы из Кардымовского района
Смоленской области. Фото
Е. МАТВЕЕВА.

Лондон,
Национальная
галерея

Зеркало

ЖАН ОГЮСТ ДОМИНИК ЭНГР. Портрет мадам Муатесье, 1856 г.
Когда Энгр заканчивал этот портрет, ему было 76 лет. Он все знал,
все умел. И тем не менее ученики слышали от него: «Женский портрет! Нет на
свете ничего труднее, это невозможно... Я попробую еще завтра, я начну вновь».
Есть в искусстве девушка-весна, мастером здесь был Боттичелли; Энгр оставил нам женщину-лето.